

БАРЧУК

АЛЕКСАНДРИЯ - 2

Дмитрий Барчук
Александрия-2

«Автор»

2005

Барчук Д. В.

Александрия-2 / Д. В. Барчук — «Автор», 2005

История героев «Александрии» – царя Александра I и опального олигарха Михаила Ланского – продолжается. На выбранном ими тернистом пути каждого ожидают серьезные испытания. В XIX веке император, инсценировав свою смерть в Таганроге, отправляется в путешествие. Иерусалим, Египет, Индия... А в XXI нефтяной магнат, пережив покушение на свою жизнь в тюрьме и оправдательный приговор суда, все-таки оказывается на поселении в приполярной колонии. Ссылный декабрист вытаскивает царя из полыньи, а депутат-коммунист – олигарха из огня во время пожара. Невероятное путешествие по экзотическим странам в прошлом и конституционный переворот с последующей российской «сиреневой революцией» в будущем. Но, самое удивительное, так и вправду могло быть и, вполне возможно, еще будет.

УДК 82-31
ББК Ш6 (2=Рос)7-44

© Барчук Д. В., 2005
© Автор, 2005

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Нежданный гость	6
Глава 2. Форс-мажор	17
Глава 3. Корону – за любовь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дмитрий Барчук Александрия#2

© Д. В. Барчук, 2005

© ООО «Печатная мануфактура», 2005

* * *

Часть первая Без меня

*Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!*
Константин Бальмонт

Глава 1. Нежданный гость

Сибирь. Мариинская тайга. Март 1855 года

Смеркалось. Мартовское солнце за день прогрело студеный сибирский воздух, но стоило светилу зайти за косогор, как сразу от наступающей весны не осталось и следа. Стало зябко и неудобно.

– Остановись-ка, любезный, – велел ямщику купец второй гильдии Семен Феофанович Хромов и, обратившись к своему пожилому спутнику в сильно поношенной черной шинели путейского инженера, добавил: – Где-то здесь его новая келья. За этой горкой уже обрыв. Там Чулым. А вот и густой кустарник, про него нам сказывали в Красной Речке. И тропа с дороги свернула. Куда ей вести еще, как не в келью к старцу?

– А ты не ошибаешься, Хромов? Смотри, как ее перемело. Видно, здесь давно уже никто не ходил.

Старик-путеец говорил как-то чудно, произнося каждое слово отдельно, а не как обычные люди.

– Чему удивляться, Гаврила Степанович, сейчас же Великий пост. Федор Кузьмич всегда так делают. Наберут сухарей на все семь недель и молятся в уединении, чтобы им никто не мешал. Вот и не выходят с заимки. Хотя нынче, мужики в деревне сказывали, нарушил он свое заточение. Когда панихиду по императору Николаю в церкви служили, он пришел. И откуда узнал в таежной глуши, что государь отдал Богу душу? Весь молебен отстоял, а потом еще долго молился в сторонке. Истину говорят – святой человек Федор Кузьмич! – говорил купец, прокладывая себе путь по занесенной снегом тропе.

– А ты сам-то, Семен Феофанович, веришь, что это царь? – напрямик спросил Хромова человек в инженерской шинели, стараясь ступить по следам первопроходца.

– Царь не царь, но человек это не простой. Люди сказывают, что это беглый кержацкий патриарх. Но мне сдается, что это и есть император Александр I. Уж больно Федор Кузьмич на него похож.

– Ладно. Сейчас мы твоего таинственного старца выведем на чистую воду. Я, Феофанович, с Александром Павловичем Романовым был знаком лично. И когда с французами воевали, и потом, когда служил у Сперанского в Сибирском комитете и у Аракчеева в совете по военным поселениям, встречаться доводилось. Только сказки это все, Хромов. Не могут цари жить хуже ссыльных. Не царское это дело. Про это я тебе и в Томске говорил. И сейчас скажу: нечего было тащиться за таким пустым вопросом в этакую даль. Нос морозить.

– Да не ворчи ты так, Гаврила Степанович. Все равно по дороге на мой прииск. Ты же сам хотел посмотреть, как золото сейчас добываем. Зря, что ли, я перед полицмейстером за тебя хлопотал? Он бы тебя из Томска не выпустил на целую неделю. Пришли

уже. Вон она – старцева заимка! – радостно воскликнул Хромов, показывая на деревянную избушку, прилепившуюся к горе у самого обрыва.

Над трубой поднимался слабый дымок.

Хромов постучался, но, не услышав ответа, потянул на себя дверь. Она легко отворилась. Отодвинув в сторону висевшую кошму, путники вошли внутрь.

– Бог помощь, хозяин! – сказал купец, закашлявшись.

Печка сильно дымила, и у него перехватило дыхание. Его попутчик даже не успел толком рассмотреть убранство лачуги. Со свету глаза не сразу привыкли к полумраку. Вечерние сумерки едва проникали в келью через маленькое окошко. И только икона Спасителя, висевшая под потолком в красном углу, была освещена еле чадающей лампадкой.

– Здравствуйте, люди добрые, – ответил с лавки ласковый голос.

Путейцу он показался до боли знакомым.

– А кто это с тобой, Семен Феофанович? – спросил поднимаясь со скамьи старец.

Но Хромов ответить не успел, ибо гость сам поспешил представиться:

– Гавриил Степанович Батеньков, политический ссыльный из Томска.

Отшельник вздрогнул и какое-то мгновение находился в сомнении: либо ему встать с лавки, либо снова лечь.

– Вам плохо, Федор Кузьмич? – поспешил на помощь старцу купец.

– Занемог третьего дня. Погода скверная. То оттепель, то мороз. Вот и прихватило, когда дрова рубил.

– Сколько раз уже говорил вам: хватит себя истязать в этой глуши, – причитал Хромов. – Переезжайте лучше жить к нам в Томск. Там хоть доктора есть. Подлечат, коли совсем туго станет. А жена и дочь мои как будут рады вас принять! Они обе в вас души не чают.

Старец не ответил, а сунул ноги в валенки и, поднявшись со скамьи, пошаркал к столу.

– Кроме чая и сухарей ничего вам предложить не могу. Я не ждал гостей, – извинился он.

– Не извольте беспокоиться, батюшка Федор Кузьмич, – засуетился Хромов. – Мы, как солдаты, все свое носим с собой. Мы вам сами гостинцев привезли. Вот: свечи, масло для лампадки, спички, соль, сахар, чай, сухари... Моя хозяйка Наталья Андреевна даже кофею положила. Наказала передать вам от ее имени. Вы бы хоть рыбки поели, а то совсем отощали.

– Зачем ты меня пытаешься совратить, Хромов? Знаешь же, что я рыбу ем только по праздникам.

Старец подошел к печи, подкинул в топку дров. Из кадки зачерпнул полный ковш воды и вылил ее в закопченный чугунок.

– На печи вода быстрее закипит, чем в самоваре, – пояснил он и, обратившись к стоящему в дверях путейцу, добавил: – А вы что стоите? В ногах правды нет. Садитесь, подполковник.

Федор Кузьмич повернулся в сторону гостя и выпрямился во весь рост. Он стоял подле печи в длинной – ниже колен – холщовой рубаше, перетянутой узким ремешком. Большой палец правой руки он заткнул за пояс, а левую руку прижимал к длинной и белой как снег бороде.

Батеньков потерял дар речи.

Первым прервал неловкое молчание отшельник.

– За гостинцы тебе и твоей хозяйке, Хромов, спасибо. А ты сейчас на прииск или с прииска?

– Туда, – купец показал в сторону Ачинска.

– Значит, через пару дней в обратный путь. Тогда у меня к тебе есть предложение. Ты своего товарища оставь пока у меня, а будешь ехать домой – заберешь.

– Но, батюшка Федор Кузьмич, Гаврила Степанович хотел посмотреть, как золото добывают.

– Еще будет время, посмотрит. А вы как считаете, подполковник?

Батеньков утвердительно кивнул головой.

Хромов был человек воспитанный, хотя и крестьянских кровей. Он понял, что его присутствие на заимке сковывает двух стариков, которые явно были знакомы в прежней жизни, им хотелось поговорить наедине.

Сославшись на позднее время, он откланялся, а, добравшись до саней, приказал ямщику не жалеть лошадей. Чаю он попил только в Ачинске, на постоялом дворе, где и заночевал, так и не добравшись в этот день до своего прииска.

– Вы? – не веря собственным глазам, прошептал Батеньков.

Старец закрыл за купцом дверь и обернулся к гостю.

– Вот и свиделись, подполковник. Вы удивлены?

Но старый декабрист не ответил. Его глаза налились кровью. Седые патлы на голове ошетинились, как грива у льва перед схваткой. Он сжал кулаки и грозно двинулся на отшельника.

– Проклятый святоша! – процедил он сквозь зубы. – Что же ты натворил, венценосный мерзавец? О Боге вспомнил, грехи замаливаешь! У самого кишка оказалась тонка, ты, значит, братца на расправу подставил! Ох, хитер, Иуда!

Федор Кузьмич, не шелохнувшись, смотрел на надвигающегося мстителя из прошлого и даже не думал сопротивляться.

– Побойся Бога, Гавриил! – только и произнес он, указывая на иконы.

– Поздно мне о Боге думать, Ваше ничтожество! Даже твой любезный братец Николай-вешатель – и тот двадцать лет зря потратил на воспитание во мне христианского смирения. Ты даже не представляешь, каково это просидеть полжизни в одиночной камере, света белого не видя. Только чадит одна фитильная лампадка. Но сейчас ты мне ответишь за все: за смерть товарищей, за тюрьму и каторгу, за разграбленную и униженную вашей семейкой страну!

Путейский инженер был хотя и ниже ростом, но коренастый и жилистый. К тому же у него было еще одно неоспоримое преимущество – возраст. Пятнадцать лет разницы – это большая фора. Особенно, когда одному – семьдесят семь, а другому – всего шестьдесят два.

Но первый удар декабриста не достиг цели. Его кулак, нацеленный прямо в переносицу старца, прорезал пустоту. Человек в черной шинели не удержал равновесия и упал на охапку дров, раскидав их по всей келье. Он поднялся, потирая рукой ушибленное колено, и произнес:

– Ловко, Ваше ничтожество. Я смотрю, ты времени зря не терял. Кое-чему крестьянская жизнь тебя научила.

Он сделал еще один выпад в сторону старца. И вновь холщовая рубаха, как тень, увернулась от черной шинели.

Так повторилось еще не раз. Наконец Батеньков понял, что эта тактика успеха ему не принесет, и с дальнего боя он перешел на ближний. Выждав удобный момент, когда старец оказался между печью и столом, декабрист не стал замахиваться для удара, а прыгнул на старца всем телом. Эффект неожиданности сработал. Ему удалось ухватить отшельника за бороду. Он рванул ее с такой силой, что та затрещала у него под рукой. Старец охнул

и подался вперед. Декабрист перехватил его за шею. Он навалился на хозяина всем телом, стараясь придавить его к полу.

Федор Кузьмич почти не сопротивлялся, но продолжал стоять на ногах. Путеец тужился из последних сил. Отчаявшись сломить упорство соперника в честном поединке, нападавший снова сильно дернул старца за бороду и бросил его через бедро.

Отшельник упал на пол. Нападавший, как дикая кошка, прыгнул ему на грудь и впился своими железными пальцами в шею.

– Молись, Иуда, своему Богу! – произнес он и изо всех сил сдавил шею.

Что произошло потом, Батеньков не понял. У него вдруг кольнуло в груди, словно в нее вонзили острый кинжал, все тело разом обмякло и сознание провалилось в густой туман.

А когда оно вернулось, он обнаружил себя лежащим на лавке. Под головой у него была подушка, а сверху укрывала шинель. В печке мирно потрескивали березовые дрова, за окном светился бледный серп луны.

– Очухался, Аника-воин? – послышался ласковый голос. – Не будешь больше бузить? Не отвечай, коль не хочешь. Только у меня есть предложение: давай отложим выяснение отношений до завтра. Дуэль от нас никуда не убежит. А поговорить нам есть о чем.

– Что ты со мной сделал? – прохрипел Батеньков, ощупывая свою грудь.

Убедившись, что нет следа от раны, он еще раз повторил свой вопрос.

– На теле человека есть такие точки: достаточно в них просто ткнуть пальцем – и он потеряет сознание. Можно даже убить без всякого оружия. Но ты скоро придешь в себя. Не переживай.

– Где ты этому научился?

– В Тибете.

– Ты и там побывал.

– Где я только не был...

– А теперь, значит, в Сибири зарылся. Неужели лучше места не нашел? В Палестине-то грехи замаливать, поди, приятней, чем здесь?

Старец не ответил. Он сидел за столом и смотрел, как хлопья снега падают в лунном свете.

Батеньков почувствовал облегчение и уже присматривал что-нибудь потяжелее, чтобы согреть эту сутулую спину.

– Почему ты меня так ненавидишь? – не оборачиваясь, спросил Кузьмич.

– А за что тебя любить, подлеца и труса? Ты же всему виной. С Николашки, солдафона, что возьмешь? Бригадный генерал, поставленный тобой на царство. Он кроме устава ничего не знал. А ты, батенька, – человек думающий. С тебя и спрос.

– И в чем же моя вина? Что раньше вас, смутьянов, не перевешал? Так полагал, что одумаетесь. Вроде бы люди грамотные.

– Брось придуриваться. Неужели после европейского похода до тебя не дошло, что нельзя больше жить по-старому? Что передовое дворянство, вкушившее европейских ценностей, больше не позволит тебе править самодержавно. Если бы ты тогда, вернувшись на родину после своего парижского триумфа, хотя бы отменил крепостное право и принял конституцию, ты вошел бы в историю, как самый просвещенный русский царь. И сейчас бы у нас была нормальная конституционная монархия. И жили бы не хуже, чем в Англии. И государя почитали бы, как англичане свою королеву Викторию. Ты мог это сделать. У тебя были все возможности. Но ты предпочел сбежать и переложил бремя ответственности на абсолютно неподготовленного человека.

Поэтому нет тебе прощения. И никогда не замолишь ты свой страшный грех перед Россией.

Старец не ответил, а сам спросил гостя:

– Это ты был в плену у французов?

– Да. В сражении под Монмиралем французы захватили нашу батарею. Меня искололи штыками. Лекарь потом насчитал десять ран. Когда они убирали трупы с поля боя, то заметили, что я еще жив. Никогда не забуду, как надо мной склонился французский капитан и спросил: «Кто такой?». Я ответил, что офицер. И тогда он приказал изрубить меня на куски. Но казаки спасли меня от верной гибели.

– И ты заразился якобинством. Ты разве не понял, чем заканчиваются все смуты? На волне народного бунта к власти приходят еще худшие политиканы, чем правящая династия. Тебе мало было Наполеона? А ведь он был лучшим из лучших. И все равно, взойдя на верх пирамиды республиканской власти, объявил себя императором. Сколько жизней в Европе унесла Французская революция, ее последствия! И это устроили просвещенные французы! А Россия – мужицкая страна. Неужели эти неграмотные мужики способны сознательно исполнять свои гражданские обязанности? Да они будут жалкой игрушкой в руках мерзавцев. Кого вы там готовили в диктаторы? Трубецкого? Мне Николай рассказывал, как он ползал у него ногам, целовал ботфорты и молил о пощаде.

Батеньков встал со скамьи и гордо заявил:

– Зато другие не ползали! Каховский, Пестель, Орлов, Рылеев... Ваш покорный слуга в том числе. Знаешь, что я ответил твоему уважаемому братцу на следствии? «Покушение 14 декабря – не мятеж, но первый в России опыт революции политической, опыт почтенный в бытописаниях и в глазах других народов. Чем менее была горсть людей, его предпринявшая, тем славнее для них. Хотя по несоразмерности сил и по недостатку лиц, готовых для подобных дел, глас свободы раздавался не долее нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался!»

– И за это ты оказался в одиночной камере? Узнаю Николашу. Он никогда не терпел непокорства.

– Ну, положим, не только за это. Ссылать сибиряка в Сибирь – все равно что пугать козла капустой. Какое же это было для меня наказание? А твоего братца я взбесил – это точно. Я ему еще писал письма из каземата. Например, «ежели я скажу, что Николай Павлович – свинья, – это сильно оскорбит царское величие?»

– Дурак! Чего ты этим добился? Просидел полжизни в одиночке из-за собственной глупой строптивости и этим гордишься?

– Да, горжусь! Что вам, Романовым, не удалось меня сломать! Я голодал, разучился говорить, но все равно не встал на колени...

Старый декабрист вскочил с лавки и схватил тяжелый ковш, чтобы разнести им голову старца. Но тот вновь увернулся от удара и тенью метнулся в сторону. Неожиданно он оказался слева от гостя и снова ткнул в него большим пальцем, только теперь за ухом.

Рассвело. Федор Кузьмич уже давно был на ногах. Подкинул в печь дров, вскипятил воду, собрал на стол нехитрую снедь. Себя он так никогда не баловал, но сейчас у него был гость. Закончив домашние дела, старец встал на колени перед иконой Николая-чудотворца и погрузился в молитву.

Со скамьи послышалось шевеление. Федор Кузьмич тут же прервал свое общение со святым и поднялся. Он не любил, когда кто-нибудь наблюдал за его молитвой. Это дело личное, и чужой глаз здесь совсем ни к чему.

– Просыпайся, вояка. Пойдем чай пить. А то совсем ослабеешь.

– Тебя придушить – силы останутся, – огрызнулся Батеньков, не поднимая головы.

Старец вздохнул тяжело и молвил:

– Что ж ты такой неумный, Гавриил Степанович. Столько лет прошло, а злоба из тебя так и брызжет.

– Учителя хорошие были!

– Опять ты за свое, подполковник. Давай хоть час поговорим спокойно. Ты вчера мне так сердце разбередил, что я ночью глаз не сомкнул. С Таганрога бессонница меня не мучила. А тут воротилась, проклятая. Чувствую, что есть в твоих словах правда. А вот какая – понять не могу. Расскажи мне, Гавриил, про восстание 14 декабря все, что тебе известно. Ты же, вроде, не простым участником там был. Мне сказывали, что Трубецкой тебя даже в члены Временного правительства прочил. А докажешь мне свою правоту, сам тебе голову для отмищения подставлю. Коль захочешь. Иначе так и будем играть в кошки-мышки и поговорить не успеем.

Декабрист согласно кивнул головой.

На улице снова была весна. Несмотря на ранний час, по всем приметам было видно, что день выдастся погожий. Выпавший за ночь снег растаял, с хмурого, затянутого мохнатыми тучами неба накрапывал теплый дождь.

Батеньков выбежал из дома босой, в одних портах и стал обтирать грудь и спину мокрым снегом. Процедура доставляла ему явное удовольствие, он даже прихрюкивал от счастья. Завершив обтирание, старый декабрист упал грудью в снежную слякоть и стал отжиматься на руках.

Федор Кузьмич вышел из избушки и с одобрением посмотрел на гимнаста. Худощавое спортивное тело с невероятной легкостью взлетало над землей, словно было невесомым. Только вздувающиеся жилы на руках и шее говорили о напряжении.

Батеньков закончил отжиматься и, ловко подкинув ноги вверх, встал на руки вниз головой. В таком положении, быстро переставляя руки, он стал кружить по поляне перед заимкой.

Когда гость остановился и вновь вернулся в привычное для человека положение, хозяин не удержался и похвалил его:

– Молодец! Где ты этому научился?

– В тюрьме.

Старец помолчал немного, но затем добавил:

– Изнеженное тело быстро стареет. И наоборот, человек, познавший лишения, не потакающий своей слабости, а преодолевающий ее, так закаляет свой дух, что и плоть его становится как сталь. Это только глупые и ленивые люди считают, что старость – не радость. Правда же, Гавриил? Старость – это венец жизни, и от человека зависит, каким он подойдет к этой черте: либо больной развалиной, либо умудренным аскетом. Еще древние греки говорили: предающийся излишествам не может обладать мудростью.

Раскрасневшийся от зарядки и обтирания бунтовщик согласно кивнул и добавил:

– Только я б все равно не возражал скинуть годков так двадцать.

Старики переглянулись. Они поняли друг друга. В этот момент даже декабрист не испытывал ненависти к бывшему царю.

– Я скромного в доме не держу. Суп с грибами будешь? – спросил гостя старец.

– А я вообще мяса никакого не ем.

– Епитимью на себя наложил?

– Да ни в жизнь! Я еще до такого истязательства себя, как ты, не дошел. Само собой вышло. В молодости увидел, как рубили голову петуху. Он, уже безголовый, с плахи спрыгнул и понесся по двору, а из него кровь фонтаном брызжет и обагрывает белый снег. А он все носится как угорелый и не знает, что уже мертв. Вот с той поры птицы и мяса не ем. Кусок в горло не лезет.

Поев с аппетитом грибного супа с сухарями и попив душистого чая с разными таежными травами, политический ссыльный совсем разомлел и проникся к хозяину даже некоторой симпатией. Убивать его больше не хотелось, но и расшаркиваться перед бывшим величеством Батеньков тоже не собирался.

– Ты спрашивал меня о 14 декабря? Так и быть, расскажу тебе, что мне известно. Только от моих оценок тех событий тебе легче не станет. Наоборот, я очень хочу, чтобы ты осознал, какую глупость ты тогда совершил.

– А, может, мне только это и надо. Ты об этом не думаешь?

Батеньков пожал плечами и начал свой рассказ:

– Когда в конце ноября 1825 года в Петербург пришли вести о твоей скоропостижной кончине в Таганроге, в большой церкви Зимнего дворца еще служили молебен за твое здравие. Церковь сразу опустела. Придворные, как тараканы, попрятались по щелям, испугавшись грядущих перемен. А твой братец Николай, которого ты избрал в свои преемники, даже со страху опрометчиво принес присягу другому твоему придурковатому брату – Константину. Бедняга, он каждый день посылал письма с курьерами в Варшаву, умоляя Константина Павловича приехать в Петербург, но тот лишь ограничивался отписками, что не собирается вступать на престол, а если к нему и дальше будут приставать с подобными предложениями, то он вообще уедет куда-нибудь еще дальше Варшавы. Не к тебе ль на встречу собирался великий князь?

Такое препирательство между Петербургом и Варшавой продолжалось две недели. Твои братья не могли определиться, кому надевать корону. Ну и родня же у тебя! А ты еще говоришь о каком-то священном праве твоей семьи на самодержавную власть. Твоя победа над Наполеоном была последним достижением вашей династии. Дальше – сплошное безумие и медленная агония. Романовы изжили себя. И им надо было просто мирно уйти. Жаль, что понял это только ты!

Хотя Николай Павлович явно лукавил. Ему очень хотелось стать самодержцем все-российским, но его авторитет в столице был ниже некуда. Измороженная каждодневной муштрой гвардия ненавидела своего бригадного генерала. Константина ей тоже не за что было любить, но он был далеко, в Варшаве, и если успел насолить, то только полякам. А этот же солдафон в столице опротивел очень многим. Представляешь, когда на Государственном совете зашла речь о манифесте о престолонаследии, который ты оставил, члены Государственного совета даже не хотели вскрывать этот пакет. Лобанов-Ростовский высказал мнение, что у мертвых нет воли. Его поддержал Шишков. А граф Милорадович кричал, что Николай Павлович уже присягнул Константину, и дело сделано.

Но бригадный генерал Николай Романов не удержался от соблазна. Поздно вечером 13 декабря он зачитал на заседании Государственного совета манифест о своем восшествии на престол.

Ну и кашу же ты заварил с этим престолонаследием! Лучшего повода для смещения вашей прогнившей династии и не придумаешь. Грех было им не воспользоваться. Ведь солдатам только сказали, что Николай устроил заговор и украл корону у законного наследника Константина, как их было не удержать. Московский полк в полном составе вывалил на Сенатскую площадь, чтобы поднять на штыки самозванца.

Этот клоун, новоиспеченный император, даже пытался сам остановить идущий к Сенату лейб-гренадерский полк. А солдаты, добрые ребята, только гаркнули ему в ответ: «Мы за Константина!». И прошли мимо Николая и верных ему преобразенцев.

Граф Милорадович пробовал образумить восставших, но Каховский, опасаясь, что герой войны 1812 года внесет смуту, выстрелил и смертельно ранил старого служаку. Солдатики крепко намяли бока и флигель-адъютанту Бибикову. Но ему повезло – унес ноги. Как и твоему самому младшему брату Михаилу. Он тоже решил попробовать себя в оратор-

ском искусстве, мельтешил на коне перед каре и что-то орал солдатам. Жалко, что Кюхельбекер промахнулся в него из пистолета. Ничего не добился своими уговорами и митрополит Серафим. Ему пришлось сесть в карету и уехать с площади.

И тогда выехал вперед новый царь. Солдаты дали по нему залп, но пули просвистели у него над головой. Рабочие с Исаакиевского собора стали бросать в него поленья. Николай ретировался.

– Для него самого было удивительно, почему его не убили в тот день. Он уже представлял себя окровавленным и бесчувственным, как кончил свои дни наш отец – император Павел. В этом мне признался он сам, когда мы встретились через десять лет. Если бы вам удалось тогда лишить Николая жизни, то восстание наверняка бы удалось. Почему вы этого не сделали, Гавриил Степанович? – прервал монолог декабрист старец.

Простой вопрос ужасно взволновал Батенькова. Он вскочил из-за стола и стал нервно ходить по келье из угла в угол.

– Да потому, что во главе стояли чистоплуи вроде Трубецкого! Ты представляешь: этот будущий диктатор даже не вышел на площадь! Полки ждали приказа на штурм Сената и Зимнего дворца, но его все не было. После полудня на площади собралась и толпа штатских. Петербургская беднота была готова нас поддержать. Но это испугало Трубецкого. Он боялся бунта черни больше, чем вас, Романовых.

Николая могли пристрелить сотню раз. Якубович вообще стоял в двух шагах от него. Лейб-гвардейцы обошли его стороной.

Он был нерешительным, но наши вожаки – еще более.

Царь не выдержал первым и послал конницу. Представляешь, гвардейцев повел в атаку Алексей Орлов. А его брат Михаил был активным членом Союза благоденствия. Брат – на брата. Но лошади скользили на обледеневшей брусчатке, и атака не удалась. Тогда Романов распорядился применить картечь.

У него было всего четыре орудия. Три на углу бульвара, где стоял сам Николай, и одно – возле канала, там командовал Михаил Павлович.

Палили с близкого расстояния, почти в упор. Первый выстрел угодил в карниз Сената, второй ударил в спину нашего каре. Началась паника и бегство. На площади осталось много убитых и раненых. Артиллеристы дали еще один залп по толпе, когда солдаты и штатские бежали по Исаакиевскому мосту. Верные вам войска вступили на площадь.

Рассказчик осекся, ибо заметил на лице старца странную ухмылку. Он уже изготовился в очередной раз наброситься на него с кулаками и произнес с угрозой:

– Чему возрадовался, Иуда? Что кровушка народная пролилась?

Поняв, каким будет продолжение, Федор Кузьмич поспешил успокоить гостя:

– Ты меня неправильно понял, Гавриил. Не над гибелью соплеменников я смеюсь, а над тем, как просто устроен наш мир. Однажды в Тильзите один энергичный новоявленный император мне рассказывал, как еще во времена Французской революции он спас Директорию и усмирил бунт черни. Способ один и тот же – КАРТЕЧЬЮ ПО ТОЛПЕ. А ты говоришь: республика, конституция, парламент! Если бы вы первыми подумали о картечи и победили, то стали бы тиранами еще хуже нас. За нами была двухсотлетняя история правления и хоть какое-то осознание ответственности за судьбу империи. Вы же, перешагнув через кровь, освободились бы от всяких обязательств. Вас бы тогда заботило только одно: как самим удержать власть, которую вы захватили.

– Неправда! – воскликнул декабрист. – Мы бы навели порядок в стране! Народ уже давно не нуждается в помазаннике божьем, в горностаевой мантии, ему нужен всего лишь выборный староста, который будет за жалованье служить ему верой и правдой.

– А не будет?

– Тогда выберем другого.

Старец улыбнулся, явно сомневаясь.

Батеньков вновь занервничал.

– Себя вспомни! Когда ты взошел на престол, сколько у тебя было планов, стремлений! А в кого ты превратился после победы над Наполеоном? В самодура, душителя свободы, своей набожностью прикрывающего самые черные дела. Ты просто выдохся. Никакой владыка не сможет править с полной отдачей четверть века. А будь эта должность выборная, на твое место избрали бы другого, достойного, человека.

– И ты думаешь, диктатор уйдет просто так? Даже Наполеон понял несбыточность этой конституционной сказки и стал императором.

– А до чего твоя семейка довела Россию, Александр Павлович! Вор на воре сидит и воров погоняет! – в сердцах воскликнул декабрист.

– Не называй меня так! – строго поправил его старец. – Тот человек давно умер. А меня зовут Федором Кузьмичом. Я всего лишь бродяга, не помнящий родства.

– Называйся ты, как хочешь, – согласился Батеньков. – Только жизнь вокруг от этого не изменится. Даже в Сибири, где никогда не было крепостного права, и то насадили свои воровские порядки. Каждое утро к дому губернатора стекаются купцы, чиновники, исправники, чтобы вручить его жене подарки. А потом эти подарки продаются в специальной лавке. Задоблив губернатора, подносители разоряют поборами ремесленников, крестьян и туземцев. А попробуй те пожаловаться, избы спалят, запрягут жалобщиков в сани и сгонят с места – в таежную глушь. Так было и при твоём царствовании, так и сейчас. Ничего не изменилось. Для вас, Романовых, законы – только красивая вывеска, чтобы прикрыть свои безобразия. Вы – главный тормоз в развитии России. Вы же ничего не делаете, а только упиваетесь властью, якобы данной вам Богом. Вы не лечите болезнь, а загоняете вовнутрь. Но тем страшнее и ужаснее будет взрыв народного гнева, который сметет вас с карты истории!

Федор Кузьмич собрался идти по воду. Он вылил оставшуюся в бадейке воду в кадуюшку и принес из сеней коромысло и еще одну бадью.

– Откуда воду-то носишь? – спросил его гость.

– С реки. Есть тут неподалеку хороший родник. Но по снегу к нему не подберешься.

– Так и река-то не близко. Подниматься с поклажей по кособогу в твоих летах, чай, нелегко. Давай подсоблю.

– Что ж не подсобить, коль от доброго сердца, – согласился старец и передал гостю бадейку.

Старец досконально изучил все подходы к реке, и до Чулыма они добрались быстро, ни разу не застряв в рыхлом, подтаявшем снегу.

– Постой тут, – велел декабристу Федор Кузьмич, передал ему коромысло, а сам с ведром направился к полынье.

То ли лед так сильно подтаял за оттепель, то ли старец, увлекшись умными беседами, потерял бдительность, только проломился под ним лед, и он в мгновение ока ушел с головой под воду.

Но вскоре из полыньи показалась седая голова. Кузьмич барахтался среди льдин и безуспешно пытался ухватиться за край полыньи. Лед крошился под его пальцами и обламывался.

Батеньков интуитивно подался вперед на помощь.

– Не подходи! – прокричал старец. – Здесь лед хрупкий. Провалишься! Кинь коромысло.

Но гость не послушался и подошел еще ближе, чтобы за коромысло самому вытащить утопающего.

Раздался треск. И он тоже оказался в ледяной воде.

Их спасло коромысло. В том месте, где провалился Батеньков, лед был покрепче, и пролом оказался уже. Ссылному удалось закрепить на краях полыньи коромысло, и на нем он подтянулся, как на перекладине. Выбравшись на лед, он махнул рукой товарищу по несчастью, чтобы тот подплывал. Федора Кузьмича долго звать не пришлось. Он ловко, по-собачьи подгребая под себя водно-ледяную смесь, добрался до спасительной деревянной дуги.

Когда старец, опершись на нее, поднялся над полыньей, декабрист, уже твердо стоящий на ногах, протянул ему руку:

– Держись, приятель.

Вся печка была завалена их промокшей одеждой, а они, завернувшись в рогожи, сидели за столом и отогревались горячим чаем.

– Смотри не простудись, – наказывал гостю старец. – Ты на малиновое варенье налегай. Оно в пот бросает, вся хворь сразу выйдет.

– Ты сам не заболей, – с некоторой обидой в голосе ответил Батеньков. – Я человек закаленный. До самых холодов в Томи купаюсь. Меня такой купелью не испугаешь. Легкая закалка. А ты тоже молодцом держался. Как таймень рассекал льды.

Старики только нашли общий язык, как декабрист неожиданно загрустил.

– Ты чего это нос повесил? – спросил его отшельник.

– Да так. Вспомнил, как Николай вечером 14 декабря приказал, чтобы на другой же день от трупов не осталось и следа, и услужливый, но неразумный обер-полицмейстер Шульгин распорядился бросать убитых прямо в проруби. А в спешке под лед сплавляли и тяжелораненых. Потом запретили брать воду и колоть лед на Неве, ибо у Васильевского острова трупы примерзли ко льду, а в полыньях попадались части человеческих тел.

– Вот, значит, какие воспоминания на тебя навеяло наше купание, – задумчиво произнес Федор Кузьмич. – Лучше б вспомнил, как французы в Березине в такую же погоду купались! Быстрее согреешься, а от мрачных дум еще больше замерзнешь. Я как с Хромовым-то тебя увидел, чуть не перекрестился со страху. Думал: видение с того света явилось. Знаешь, за кого я тебя вначале принял?

– За кого?

– За Наполеона!

Батеньков не поверил своим ушам и не знал, как воспринимать слова старца: то ли как похвалу, то ли как оскорбление.

– Истинный крест! – молвил Федор Кузьмич и перекрестился. – Здорово похож. Если бы Наполеон дожил до твоих лет, он бы в точности как ты выглядел. Тебя надо было диктатором делать, а не труса Трубецкого, тогда б у вас что-нибудь и вышло.

Федор Кузьмич налил себе еще чаю и спросил:

– А почему ты так говоришь забавно, слова, как дрова, рубишь?

Батеньков опять посерьезнел, но ему, похоже, уже надоело обижаться, и он просто ответил:

– Я же в камере совсем одичал. Потерял счет дню и ночи. Сейчас по ночам вообще мало сплю. Выйду на улицу и гуляю. А говорить и вовсе разучился. Угадай, с кем я в каземате разговаривал?

– С Богом?

– Дался тебе этот бог! Он все равно ничего не слышит и не видит. Я же разговаривал с тварью отзывчивой. С мышонком.

– С кем, с кем? – Федор Кузьмич не расслышал.

– С мышью! – прокричал ему в самое ухо Батеньков. – Я его хлебом и лаской к себе приручил, он у меня потом такой ручной и ласковый стал. Внимательно слушал все мои стенания и попискивал с пониманием.

Декабрист тоже подлил себе чайку. Отхлебнув душистого отвара, он продолжил:

– А с богом у меня было другое общение. Твой же братец вот какое наказание для меня выдумал – лишил меня всякой связи с внешним миром. Из книг мне разрешалось читать только одну Библию. Я ее выучил наизусть. А потом даже развлечение придумал. Я же кроме русского знаю еще немецкий и французский, а из древних языков – еврейский, латинский и греческий. Вот и попросил своего старого боевого друга принести мне Библии на всех этих языках. Тем и коротал время, что сличал особенности перевода.

– Богослов, выходит, ты знатный, одна беда – в Бога не веруешь, – заметил старец.

– В него что верь, что не верь – один исход. Если он есть, то почему допускает такую несправедливость на земле! Пестель, Бестужев, Каховский, Рылеев и Муравьев-Апостол оказались на виселице. Больше ста человек – на каторге, тысячу солдат прогнали сквозь строй, а еще больше сослали на Кавказ. Виновник же всей этой кровавой вакханалии еще тридцать лет держал страну в страхе. Потопил в крови восстания в Польше и Венгрии. Всю Европу настроил против России. Французы с англичанами заодно воюют против русских! И где? В Крыму! На исконной русской земле. Когда такое было? В петербургских газетах пишут, что и перед Кронштадтом появился английский флот. Николай Павлович, говорят, даже наблюдал в телескоп перед смертью за их эскадрой. Каково же ему было умирать! В Томске слух прошел, что царь не смог вынести позора и отравился. Ты ему в наследство оставил мощную державу, а он превратил ее в колосса на глиняных ногах. Только тронь, сразу рассыплется.

Федор Кузьмич встал, подошел к печи и пощупал одежду: не высохла ли? Недовольно покачал головой и вернулся за стол.

– А ты еще на Бога ропщешь, Гавриил. Каждому воздастся по заслугам его. С царя за его деяния спрос особый.

– Слушай! – Батеньков схватил старца за рогожу. – Как ты думаешь, племянник-то твой, тезка, Александр II простит нам Сенатскую площадь и дозволит вернуться в Россию? Хотя я и люблю Сибирь, все ж хочется дожить оставшиеся дни в тепле. Помилует меня новый царь?

– Помилует, обязательно помилует, – успокоил гостя Федор Кузьмич, а потом пристально посмотрел ему в глаза и стал приговаривать усыпляющим голосом: – Ты устал, Гавриил. Очень устал. Твои глаза закрываются. Тебе хочется спать. Ты засыпаешь. Тебе снятся только хорошие сны. Ты молод и счастлив. Тебе хорошо. Очень хорошо. Ты спишь. Крепко спишь. А когда проснешься, то ничего не вспомнишь о нашем разговоре. Ты меня прежде никогда не знал. Я всего лишь бродяга, не помнящий родства. Федор Кузьмич. А теперь – спать! Спать! Спать!

Хромов забрал Батенькова на следующий день. Вид у ссыльного был нездоровый, и всю дорогу до Томска он дремал в санях.

О том, что произошло в избушке у старца, он ничего не помнил. Только удивлялся: почему у него шинель влажная?

С той поры сон у Гавриила Степановича восстановился, и он перестал гулять по ночам.

А через год император Александр II амнистировал оставшихся в живых декабристов, им было разрешено вернуться в Россию. Батеньков поселился в Калуге, где и умер осенью 1863 года.

Федор Кузьмич все-таки принял приглашение Хромова и в октябре 1858 года переехал на жительство в губернский Томск, где повстречался еще со многими интересными людьми.

Глава 2. Форс-мажор

*Последнее слово Михаила Ланского Москва. Мещанский суд. ** апреля 2*** года*

«Ваша честь, уважаемый суд, уважаемые присутствующие!

Я – патриот России, именно поэтому смотрю на происходящее вокруг нашего холдинга, моих партнеров и меня лично в первую очередь с точки зрения интересов и ценностей моей страны.

Давайте вспомним, как все началось. Почти два года назад в больнице арестовали моего друга Журавлева. Я остался в России после ареста Антона, хотя друзья и адвокаты мне категорически рекомендовали этого не делать. Я поступил так, потому что люблю Россию и верю в ее будущее как сильного и правового государства.

Хотя я сделал сознательный выбор – остался в стране и ни от кого не скрывался, полтора года назад вооруженные люди в масках меня арестовали. С тех пор держат под стражей, отказываясь выпустить под залог, под поручительство уважаемых граждан страны: выдающихся писателей, ученых, артистов, общественных деятелей.

Мое дело затеяли определенные влиятельные люди с целью забрать себе самую процветающую нефтяную компанию России, а точнее, доходы от ее финансовых потоков.

Когда говорят, что «дело Ланского» привело к укреплению роли государства в экономике, это вызывает у меня лишь горький смех. Те люди, которые сейчас расхищают активы нашего холдинга, не имеют никакого отношения к Государству Российскому и его интересам. Это просто нечистоплотные, своекорыстные бюрократы и больше никто.

Вся страна знает, почему меня посадили в тюрьму: чтобы я не мешал разграблению компании. При этом люди, организовавшие гонения на меня лично, пытались напугать власть и общество моими мифическими политическими амбициями. Они откровенно вводили в заблуждение президента и российское общество в целом. В глобальном и прозрачном мире нет ничего тайного, что со временем не станет явным. А суд истории все расставит по своим местам.

Ни для кого не секрет, что сфабрикованные в отношении меня и других руководителей холдинга уголовные дела сослужили плохую службу отечественной экономике. Кратно возросло бегство капитала из страны, подорвано доверие российских и зарубежных инвесторов к нашей Родине. Что же, пусть вся полнота ответственности за это ляжет на тех, кто планировал мой арест и сейчас пытается надолго отправить меня в лагерь.

Весь мир знает, что сфабрикованное отдельными представителями доморощенной криминальной бюрократии «дело Ланского» нанесло удар по репутации России, российской власти. Но жадных людей, которые решили во что бы то ни стало присвоить основные предприятия и активы нашего холдинга, ничто не могло остановить – даже прямой ущерб, который они нанесли и каждый день наносят нашей стране, нашей государственности.

Органам прокуратуры так и не удалось доказать ни одно из предъявленных мне обвинений. Попытки приписать мне какие-то преступления обернулись откровенным фарсом, и даже свидетели обвинения фактически дали показания в мою пользу.

Сейчас суду представлены все документы, допрошены все свидетели. Что же мы видим в итоге?

Два года обысков, допросы сотен, если не тысяч сотрудников, захват заложников путем ареста ни в чем не повинных людей, в том числе женщин с маленькими детьми, не дали никакого результата. Прокуроры не смогли найти ни одного факта, ни одного документа, ни одного показания, которые бы свидетельствовали о совершении мною всех тех преступ-

лений, в которых меня обвиняют. Два года упорных трудов прокуратуры – и нулевой результат!

Что есть? Легальные, публичные документы о собственности, об официальных сделках, о гражданско-правовых спорах, протоколы официальных производственных совещаний.

Что еще обвинение явило российскому обществу и миру? Никем и ничем не подтвержденные домыслы прокуроров, свидетельствующие только об их собственном криминальном мышлении.

Мне просто не от чего защищаться в независимом суде. Прокуратура доказала только нормальную, устойчивую деятельность нашего холдинга с целью производства продукции, оказания услуг и получения законной прибыли. Но это не наказуемо, а наоборот, приветствуется во всех странах с рыночной экономикой.

Суду фактически предлагается признать, что само создание, руководство или владение успешным бизнесом – есть доказательство преступления. Оспаривать дешевое криминальное чтиво, скроенное группой литераторов из прокуратуры, закон не требует. Меня только возмущает сам факт настырного, противозаконного предъявления ничем не обоснованных претензий ко мне и к Журавлеву со стороны кучки чиновников только потому, что это, видимо, поможет их карьере. Это бессовестно и незаконно.

От своего бизнеса я получал ровно столько, сколько нужно было для жизни моей семьи. Я мог зарабатывать гораздо больше, просто у меня нет таких потребностей.

У меня, в отличие от тех скромных бизнесменов и бизнес-чиновников, которые стоят за этим делом, нет яхт, дворцов, гоночных машин, футбольных клубов. Даже дом для газеты сфотографировали не мой. Мой – гораздо скромнее, и его фотографии просто не заметили – он слишком мал на фоне типовых громад Рублево-Успенского шоссе. Имущества за границей у меня тоже нет. Спецслужбы это прекрасно знают.

Я не принадлежал к тем людям, которые нарочито и цинично демонстрируют варварскую культуру потребления нищему народу нашей богатой страны. Я был неправильным олигархом. Видимо, поэтому у меня отобрали нефтяную компанию и держат в тюрьме уже второй год.

Все принадлежащие мне акции холдинга перешли в новый траст в пользу Леонида Неклюдова. Это равносильно моему безвозмездному отказу от любого контроля над бизнесом и любой выгоды, которую я мог бы получить от всех компаний.

У меня не осталось крупной собственности, я перестал быть бизнесменом и более не отношусь к сверхбогатым людям.

Все, что у меня есть, – это сознание собственной правоты и воля к свободе. И еще деловая репутация, позволяющая мне привлекать средства для благотворительных проектов.

У меня есть свое понимание достойного будущего для страны. Это не безнадежная попытка догнать развитые страны за счет торговли сырьем, а ставка на талантливую молодежь, которая хочет жить и работать на Родине, в своей собственной стране, в своей культурной среде, в свободном, демократическом, гражданском обществе.

Я горжусь тем, что в самое тяжелое для страны время, когда нефть стоила не 54 доллара за баррель, а 8,5, когда не было никаких стомиллиардных золотовалютных запасов и ломящихся от шальных денег стабилизационных фондов, я пришел в нефтяную промышленность и воссоздал компанию, ставшую крупнейшей нефтяной корпорацией России.

Я благодарен всем, кто поддержал меня в это тяжелое время, кто помогал мне вынести тяготы тюрьмы, пережить разграбление компании.

Друзья! Мы отстаиваем справедливость и обязательно добьемся правды!

Спасибо моей маме, которая выдержала весь поток мерзости и грязи, который вылился на меня и мою семью. Прости меня, дорогая, что я заставил тебя волноваться.

Спасибо моей жене. Она повела себя как соратник, как настоящая декабристка.

Я вас очень люблю, дорогие мои.

У меня трое детей. Я хочу дать им хорошее образование. Я буду работать – уже в новом качестве, а не как владелец нефтяной компании – на благо моей страны и моего народа. Каким бы ни было решение суда».

Леонид Петрович Неклюдов отложил в сторону вчерашний выпуск «Коммерсанта». Последнее слово на суде бывшего патрона произвело на него впечатление.

Если бы Мишка признал свою вину и покался, ему дали бы года три условно. Правда, предварительно опустошив карманы. Обвинений против него столько, что рассчитаться по всем искам никаких денег не хватит! Морально сломленный и раскулаченный олигарх для Семена Семеновича и его компании не представлял никакой угрозы. Ланского могли бы освободить после оглашения приговора прямо в зале суда. Оставили ему на жизнь несколько миллионов, и пусть бы катился из России, куда глаза глядят.

Но Мишка закусил удила. Опять полез на рожон и тем самым спутал карты своим противникам.

Что сейчас делать с ним?

Признать виновным и отправить в лагерь на десять лет, как того требует прокуратура? Но тогда поднимется шум на весь мир. Российский суд вновь явит миру свое истинное лицо, не имеющее ничего общего с законностью и справедливостью. Мишка прав: в независимом суде вся конструкция обвинения рассыпалась бы как картонный домик, а доводы прокуроров были бы признаны несостоятельными и надуманными.

Иностранцы – еще полбеды. На их журналистов и правозащитников можно забить, как всегда, а с западными лидерами договориться: мы вам сдадим Украину, а вы не суетесь в наши внутренние дела. Хуже с доморощенными смутьянами.

Демократические свободы за пятнадцать лет приучили часть населения думать. И хотя все федеральные телеканалы сейчас находятся под контролем, но остались еще независимые телевизионные компании в регионах, на все газеты, издающиеся в России, намордник тоже не наденешь, а тем более на Интернет. Не весь народ – быдло. А жалко, им бы так легко было управлять!

Кремлевские политтехнологи на этот раз сильно просчитались. Буквально на ровном месте взрастили себе глобальную проблему.

Образцово-показательная порка олигарха была нужна. С анархией девяностых надо было как-то завязывать. Но объект для экзекуции они выбрали явно неудачно. Имелись и другие кандидатуры, зажившие, зазнавшиеся и зарвавшиеся, если бы их даже приговорили к пожизненному заключению, им бы никто и не посочувствовал. Но наши «борцы за справедливость» ухватились за Мишку.

За полтора года своей отсидки в Матросской Тишине он в глазах народа превратился в страдальца, в нового Иисуса Христа. А у нас таких любят.

У Мишки была харизма. Гонители только укрепили ее. У демократов не было лидера на следующих президентских выборах. Вот он! Извольте получить. Made in Matroskaya Tishina.

Его последнее слово обращено не к судьям. А к будущему майдану.

Как она будет называться, российская «цветочная революция»? Ромашковая? Васильковая? Будет ли она вообще мирной? Не превратится ли в очередной кровавый бунт?

Призрак выпущен на волю. Призрак бродит по России.

– А мне-то какое до этого дело? – спросил себя номинальный хозяин все еще могущественного холдинга. – При любом раскладе моих взяток больше нет. Мои карты биты.

Он задумчиво посмотрел в окно. Из большого панорамного окна его пентхауса на девятом этаже нового высотного дома в престижном районе Тель-Авива открывался прекрасный вид на Средиземное море.

Оно было беспокойно в этот ранний час. Задувал ветер, и большие волны обрушивались на безлюдный пляж.

«Пойти, что ли, искупаться?» – мелькнула в голове шальная мысль.

Он представил себе, как ныряет с разбега в волну прибоя, как холодная вода обжигает его кожу, как напрягаются натренированные мышцы.

В предвкушении предстоящего блаженства, недолго раздумывая, Неклюдов сбросил с себя махровый халат и натянул плавки. Быстро облачившись в спортивный костюм, он открыл входную дверь своей большой квартиры. Дремавшие в коридоре охранники тут же вскочили со своих кресел и вытянулись перед ним по стойке «смирно».

Но зазвонил телефон. Если бы городской или хотя бы обыкновенный мобильный, Леонид Петрович не вернулся бы с полпути. Но звонок, имитирующий российский гимн, мог исходить только от одного телефона, который ему перед отъездом передал Семен Семенович.

Новоявленный олигарх уже хотел хлопнуть дверью и убежать вниз по лестнице к вожделенному морю, но то ли чувство долга, то ли верность присяге удержали его.

– Почему так долго не брал трубку? – спросил Сим Сим.

– На море собрался. Плавать, – прокричал в ответ главный акционер холдинга, недовольный столь мелочной опекой.

– Плаванье – дело хорошее. Гораздо лучше, чем пьянство. От него белой горячки не бывает.

– Мое здоровье – это мое личное дело, – огрызнулся Неклюдов.

– Нет, мил человек, ошибаешься. Твое физическое и душевное самочувствие является сейчас, можно сказать, национальным достоянием. Уж слишком многое от тебя зависит. Негоже боевому офицеру так раскисать. Сына, конечно, не вернешь. Горе так горе. А что жена ушла, может, это и к лучшему. Другую заведешь. Молодую, красивую. Она тебе еще столько наследников родит, устанешь алименты платить. Какие твои годы, Леонид! Давай возьми себя в руки, и за работу. Через неделю суд огласит приговор по делу Ланского, а нам так много предстоит сделать к этому времени. Я сегодня отправляю к тебе толковых ребят. Это юристы. У них будут все документы. Тебе необходимо в присутствии нотариуса подписать эти бумаги. Для всех нас будет лучше, если управлять холдингом сейчас станет новая компания с незапятнанной репутацией с каких-нибудь Багамских островов. Ты, кстати, если хочешь, можешь и свои акции уступить этим ребятам. Они все твои интересы учтут. Могут сразу выкупить твою долю в холдинге, а могут, как и Ланский, ежегодно выплачивать тебе дивиденды. Главное, чтобы на время суда мы были с тобой чисты. Нет у нас никаких акций, и с нас взятки гладки. Тогда и ордер на твой арест мы в Интерполе отзовем. Сможешь на родину вернуться. Старшего сына-то думаешь из колонии вызволять? Ну как, Леонид, договорились? Значит, по рукам!

Неклюдов буркнул в ответ нечто нечленораздельное и с силой отшвырнул телефон на диван.

Он вышел на балкон, посмотрел на восходящее над морем солнце.

В памяти сразу всплыла картина. Август 91#го. Тихий московский дворик. Утреннее солнце, пробиваясь через густую листву высоких тополей, освещает испуганное лицо старика, который пятится к распахнутому окну.

– Вот и мой час пробил, Иван Матвеевич, – безразличным тоном произнес миллиардер.

Он по долгу службы обязан был просчитывать ходы вероятного противника. Он умел это делать. Иначе бы не дожил до сорока четырех лет с такой работой.

Это качество он выработал еще в Афганистане. Выжить под Кандагаром можно было только в одном случае: научиться думать, как моджахеды, поставить себя на их место и спросить себя, а как бы поступил я.

И потом, уже работая главой службы безопасности могущественного холдинга, он благодаря этому своему качеству всегда успевал на шаг опережать бандитов и конкурентов.

Знал он и сейчас, как поступит Семен Семенович. Потому что в другой ситуации он сам сделал бы то же самое.

Если сегодня он подпишет бумаги, то вряд ли доживет до завтрашнего утра. Его смерть, скорее всего, обставят как самоубийство. Мол, не смог человек вынести гибели сына и ухода жены, вот и свел счеты с жизнью.

Может быть, его выбросят с балкона девятого этажа. Или один их охранников выстрелит ему в висок, а потом его усадят за письменный стол и вложат в руку любимую беретту.

Мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

Мишку осудят, но ненадолго. Однако из лагеря он тоже не выйдет. Умрет от какого-нибудь сердечного приступа.

А если заупрямиться и отказаться уступать акции багамской компании? Тоже ничего хорошего. Его все равно уберут. А следом и Людмилу, ведь еще нет решения о разводе, и Вовку в колонии. Они же наследники. Сим Сим не случайно в разговоре упомянул старшего сына. Он первый заложник.

Идем дальше. Правопреемник мертв. Доверенность на управление акциями, выданная ему Ланским, недействительна. Бумеранг вновь возвращается к Мишке. Он опять в центре событий.

Его осудят, и он попадет в лагерь. Это не следственный изолятор, там способов воздействия на непокорных гораздо больше. Бедный Мишка!

«А что если воспользоваться правом передоверия и передать акции какому-нибудь третьему лицу? – размышлял Неклюдов. – Мне они все равно не нужны. Я деньгами сыт по горло. Не принесли они счастья ни мне, ни детям».

– Но кому? – спрашивал он себя, и сам же отвечал:

– Тому, кого чекисты побоятся тронуть!

– Лорду Ротшильду?

– Нет. Уж лучше какой-нибудь благотворительной организации.

– Но ведь все равно чиновники разворуют. Не свои, так иностранные.

– Но что-то все равно пойдет на благое дело.

Пребывая в тягостных сомнениях, Леонид Петрович включил телевизор.

По CNN шел выпуск новостей. В Ватикане кардиналы собрались на конклав выбирать нового Папу. И тут Неклюдова осенило. Он даже подпрыгнул в кресле от радости.

– Церковь! Вот кого они не тронут! – чуть не закричал загнанный в угол акционер, но осекся и тихо прошептал, опасаясь подслушивающих устройств: – Только не католическая, а наша, православная!

Mercedes-Benz SL#500 белой молнией летел по автостраде на Иерусалим. Эту машину Леонид Петрович подарил младшему сыну Сергею на совершеннолетие незадолго до его гибели на дискотеке в результате теракта палестинцев. А теперь вот сам выбрал ее для своего последнего путешествия.

Если бы не знаки, ограничивающие скорость, на которые, хочешь ты того или нет, все равно приходится обращать внимание и соблюдать их требования (это тебе не Россия, здесь от полицейских взяткой не откупишься), до Священного города долетел бы за час.

Но фактически дорога потребовала вдвое больше времени. На выезде из Тель-Авива пришлось простоять в огромной пробке через блокпост. Потом в Ришон-ле-Ционе машину осмотрели автоматчики и проверили документы.

Зато, выехав на пустынное плоскогорье, он оторвался. Стрелка спидометра перевалила за 200. Но вовремя спохватился и не успел попасться в лапы дорожной полиции.

Начальник охраны ни за что не хотел отпускать его одного в Иерусалим. Видимо, получил четкие инструкции на этот счет из Москвы. Но Неклюдов, употребив все свое красноречие, уговорил бывшего спецназовца отпустить его одного, без сопровождения. Дескать, из России прилетает важная делегация. Гостей необходимо встретить и разместить. Их безопасность – на первом месте. А ему в Священном городе чего опасаться? Арабов-террористов? Так снаряд в одну воронку дважды не попадает. Паломничество к святым местам – дело личное. Идти Дорогой скорби в сопровождении толпы телохранителей даже как-то неприлично. К вечеру он вернется. А завтра у них будет напряженный день. Всем придется попотеть.

Главный охранник с явной неохотой, но согласился с доводами шефа. И когда тот отправился в Иерусалим, он, собрав всех своих подчиненных, поехал в аэропорт «Бен-Гурион» встречать москвичей.

Неклюдов в очередной раз посмотрел в зеркало заднего вида. Хвоста не было. Он облегченно вздохнул. Его тонкие губы сами растянулись в загадочной улыбке.

Он представил себе, какой переполох он вызовет своим поступком! В том, что церковники войдут во владение проблемным холдингом, он почему-то не сомневался. Какими бы высшими идеалами не руководствовались пастыри человеческих душ, но от земных богатств церковь редко отказывалась. Православная, правда, пока в меньшей степени заражена вирусом накопительства, чем католическая. Все-таки десятилетия коммунистического правления повлияли и на нее. А собратья-католики в это время заметно приумножали свои богатства, и сейчас Римская церковь стала чуть ли не самой мощной корпорацией мира. Зато у православного духовенства все еще впереди.

Что-что, а просчитывать партию на несколько ходов вперед Леонид Петрович научился, как никто другой. Он был твердо убежден, что на Русскую православную церковь скоро прольется настоящий золотой дождь. Все люди смертны. Даже сильные мира сего. За последние пятнадцать лет в России возникли огромные состояния. Причем способы их создания были так далеки от христианских заповедей, что покаяние на смертном одре вскоре станет вещью обыденной. Наследники этих нуворишей уже испорчены шальными деньгами и легкой жизнью. Толку с них мало, все спустят, сколько им ни оставь. А если завещать состояние церкви, глядишь, Бог смилостивится и простит грехи тяжкие. В рай, конечно, не пустят, но, может, хоть ад на чистилище заменят?

Но Леонидом Петровичем двигали совсем другие мотивы. Его не страшила смерть. Он столько раз встречал ее на своем веку, что просто устал бояться. Да и замаливать собственные грехи чужими деньгами в его представлении было как-то мелко, не по-мужски. Не сочеталось это с достоинством офицера, которое, пусть и в уродливом виде, но господин Неклюдов в себе сохранил. Божий суд над ним и так уже свершился. Он прожил неправедную жизнь, но и ответил за это сполна. Одного сына разорвала на куски бомба шахидки, а другой еще долго будет сидеть на зоне за жестокое убийство. Он всю жизнь стремился к материальному достатку и благополучию, всем жертвовал ради этого: собственной совестью, даже семьей. Воспитание детей переложил на жену. А ей тоже было не до них. Жила своей жизнью. Теперь у него миллиарды. Но даже оставить их некому.

Он представлял себе физиономию Сим Сима и его соратников, когда они узнают, что теперь на пути реализации их коварных планов им будет противостоять не группа быв-

ших комсомольцев, которым дали порулить государственной собственностью, а сама церковь, и мрачные думы тут же отходили на второй план, а хмурое лицо освещала злорадная улыбка. Серьезная дилемма возникнет у этих господ!

С одной стороны – вот он, вожделенный холдинг Михаила Ланского, завоеванный в столь тяжких битвах, с такими моральными потерями, с утратой деловой репутации целой страны. Надо лишь довершить его разгром! Но как это теперь сделать, когда главным акционером стала Православная церковь? Эти господа ведь такие набожные с виду. По праздникам посещают храмы, чтобы все видели: христианские добродетели им не чужды.

Они явно будут растерянны.

Пусть хотя бы раз в жизни испытают они это чувство смятения. Не все в их руках, есть еще Божья воля!

С этими мыслями Леонид Петрович въехал в Иерусалим.

Он заблудился. Прежде он не раз бывал в Священном городе. Они ездили сюда на экскурсию всей семьей в свой первый приезд в Израиль. Вовка еще был на свободе, а Сережка – живой. И жена пыталась сохранить видимость семьи. Потом он неоднократно приезжал сюда по делам, но с водителем и в сопровождении охраны. А чтобы сам за рулем, такого еще не было.

Он как-то прежде не обращал внимания, какое здесь оживленное движение в будний день. Восточный колорит давал о себе знать. Нарочитая суeta и шум, узкие, запруженные автомобилями улицы напоминали о том, что этот город – святой не только для иудеев и христиан, но и для мусульман.

Заплутав в лабиринте этого муравейника, Неклюдов неожиданно обнаружил, что вместо Яффских ворот Старого города, рядом с которыми по путеводителю располагалась Русская духовная миссия, он оказался перед Гефсиманскими воротами.

Слева, возвышаясь над крепостной стеной, слепил глаза золотой Купол Скалы – мечети Омара, а справа поднималась Масличная гора.

Леонид Петрович остановил SL#500 около стоянки экскурсионных автобусов неподалеку от церкви Всех наций и направился в Гефсиманский сад.

Он издали услышал родную речь. Молоденькая девчушка-экскурсовод в больших очках увлеченно рассказывала туристам:

– После пасхальной вечери Иисус и одиннадцать апостолов отправились сюда, в восточную часть Иерусалима, к Масличной горе, чтобы помолиться в мирной тени оливковой рощи.

– А почему одиннадцать? У Христа же было двенадцать учеников, – спросил мальчик лет десяти, желая показать окружающим собственную эрудицию.

Его мама, дородная тридцатилетняя провинциалка, стыдливо покраснела за сына и одернула его за рукав летней курточки.

Но экскурсовод как будто только и ждала этого вопроса.

Она ласково ответила мальчику:

– Двенадцатый, Иуда, уже покинул их, чтобы предать Учителя в руки первосвященников.

Неклюдов, скрыв лицо за солнцезащитными очками, обошел экскурсантов стороной.

За поворотом он сошел с тропы и, несмотря на свои светлые брюки, сел прямо на траву под сенью ветвистой оливы.

Он где-то вычитал, что оливковые деревья могут жить очень долго, тысячи лет. Может быть, на этом самом месте когда-то молился сам Иисус Христос за два дня до своего распятия.

«Господи, дай мне силы и мужество вынести с честью все испытания, которые ты уготовил мне», – обратился он к Спасителю с такой молитвой и углубился в собственные думы. Вспомнился позавчерашний разговор с женой.

Людмила приехала за своими вещами. Пока грузчики выносили из спальни чемоданы и ее любимый спальный гарнитур позапрошлого века, купленный на каком-то мебельном аукционе за баснословные деньги, она присела на кресло против него и закурила.

– Я переезжаю к директору твоего банка. Надеюсь, что у тебя хватит ума не увольнять его с работы до окончания бракоразводного процесса. Я хочу, чтобы банк остался мне. Ты можешь забрать себе всю долю в химическом комбинате. Я уже не говорю о бумагах вашего с Ланским холдинга. Если вам удастся что-то оттуда вернуть, я на это претендовать не буду. По-моему, так будет честно. Ты согласен?

Он безразлично кивнул головой.

– Я знала, что ты не станешь мелочиться. Поверь, так будет лучше для нас обоих. Когда-то мы совершили большую глупость, если не преступление. Не стоило вступать в брак без любви. Мы изменили самим себе, пытаюсь убедить себя, что любим друг друга. Теперь за это расплачиваемся. Прости меня. И не держи зла, – сказала жена и, чмокнув его в щеку накрашенными губами, выпорхнула из квартиры вслед за грузчиками.

– А ведь она права, – сказал себе Неклюдов, сидя под оливковым деревом в Гефсиманском саду.

Женитьба на Людмиле была первой сделкой с собственной совестью, на которую пошел офицер-разведчик.

Он познакомился с ее отцом, генералом государственной безопасности, в Афганистане. Колонну, в которой был и их уазик, на перевале обстреляли моджахеды. Он вынес раненого генерала из боя, потом тащил его на себе двое суток до базового лагеря.

Поправившись, кагэбэшник не забыл своего спасителя и устроил ему перевод в Москву.

Так парень с Рязанщины, сын механизатора и доярки, оказался на Лубянке.

Генерал взял его в свой отдел, и вскоре Неклюдов дослужился до майора. Но вряд ли он вошел бы в круг особо доверенных людей, если бы не женился на генеральской дочери.

Людмила в молодости была несимпатичной. Угловатыми чертами лица, плоской грудью, широким тазом, она походила на мать, пожилую еврейку, которую генерал старался лишний раз не показывать своим сослуживцам.

Девушка закончила «факультет невест», то есть филологический, и сейчас преподавала русский язык и литературу в школе. Педагогический коллектив на девяносто процентов состоял из женщин, поэтому отец очень переживал, что дочь может остаться старой девой. И молодого, неженатого офицера пригласил в свой дом с дальним прицелом.

Леонид оказался парнем понятливым и вскоре сделал предложение генеральской дочери. Оно было принято.

Тесть выхлопотал молодым квартиру в Новых Черемушках. Конечно, не центр, но для Леонида, лучше офицерского общежития ничего до этого не видевшего, собственная двухкомнатная квартира в микрорайоне показалась раем.

Майор старался оправдать оказанное высокое доверие и с интервалом в пять лет организовал тестю двух внуков, в которых старик души не чаял и баловал их как мог.

Ходить на сторону Неклюдов старался как можно реже, когда было совсем невтерпех. А соблазнов у молодого, спортивного кагэбэшника было хоть отбавляй.

С Людмилой после свадьбы, и особенно после рождения первенца, тоже произошли существенные метаморфозы. Роды ей явно пошли на пользу. Откуда-то появилась грудь.

Работу она забросила совсем и якобы сосредоточилась на домашнем хозяйстве и воспитании ребенка. Вначале одного, а затем и второго. Но хозяйкой жена Неклюдова была никакой. У нее все валилось из рук, а еду, которую она первое время готовила мужу, есть было решительно невозможно.

Людмила плюнула на это неблагодарное дело и сосредоточилась на себе. Благо в это время в Москве стали появляться первые фитнес-клубы. Она вначале стала ходить на аэробiku, потом в бассейн, в солярий, к модным массажистам и визажистам.

Через год ее было не узнать. Это была уже совершенно другая женщина, холеная, спортивная и знающая себе цену. Мужчины стали обращать на нее внимание.

Тесть Леонида к тому времени скоропостижно скончался от обширного инфаркта, но успел свести зятя с одним из заместителей председателя комитета Семеном Семеновичем, курирующим экономику. И когда тот подыскивал кандидатуру на должность заместителя банкира Ланского, то из уважения к памяти старого товарища остановил свой выбор на его зяте – подполковнике Неклюдове.

С появлением в семье достатка жена вообще сложила с себя всякие обязанности по дому, предоставив их решать мужу с помощью неожиданно свалившихся на них денег.

Зная, что он не хранит ей верность, она решила тоже не утруждать себя этим. Людмила, как и ее муж, легко заводила романы на стороне и так же легко их прекращала.

Воспитанием внуков вначале занималась бабушка, а после ее смерти – гувернеры и репетиторы.

Проигнорировав любовь и семейное счастье, Неклюдов был уже готов и на работе заменить беззаветное служение отечеству на эрзац меркантильных сиюминутных выгод. Ему и раньше приходилось преступать закон. Только тогда он это делал ради высших государственных интересов, а сейчас – ради корпоративных.

Леонид Петрович встал с земли, отряхнул брюки и пошел по дорожке, усыпанной мелкими красноватыми камешками.

Неожиданно он обнаружил, что стоит перед входом в белоснежный православный храм. Это была церковь святой Марии Магдалины.

Неклюдов перекрестился и вошел вовнутрь.

После жаркого палестинского солнца храм встретил странника желанной прохладой. Услышав, что хлопнула дверь, из глубины церкви вышел ему навстречу здешний священник – в черной рясе и с окладистой седой бородой.

Он сразу, по внешнему виду, узнал в вошедшем человеке православного.

– Вы что-то хотели? – спросил он по-русски.

– Я хочу исповедоваться, святой отец, ибо грешен...

После исповеди на сердце полегчало, и он укрепился в правильности задуманного.

Когда он вернулся в машину и сел за руль, у него возникло еще желание побывать на Виа Долороса, пройти по Дороге скорби, повторив путь, по которому шел в день казни Спаситель. Но, взглянув на часы – они показывали уже половину второго – и оценив интенсивность движения в Старом городе, он понял, что может не успеть выполнить свою главную миссию, ради которой и приехал в Иерусалим. И поехал вдоль крепостной стены.

В Русской духовной миссии прием посетителей вел молодой, гладковыбритый священнослужитель, которому на вид не было еще и тридцати.

– Я бы хотел встретиться с отцом архимандритом, – объяснил цель своего визита вошедший мужчина в дорогой одежде, но с потухшими глазами.

Интонация, с которой он произнес первую фразу, выдавала в нем человека, привыкшего отдавать приказы. В нем была какая-то внутренняя сила, заставляющая других людей повиноваться ему.

Но секретарь, несмотря на свою относительную молодость, тоже не принадлежал к числу людей робких. И его положение обязывало показать бесцеремонному гостю собственную значимость.

– К сожалению, отец архимандрит сегодня занят. Но вы можете записаться к нему на прием на послезавтра с двух до пяти часов. Но прежде я должен узнать: какой вопрос вы намереваетесь обсудить с его высокопреподобием.

Неклюдов не ответил секретарю, а подошел вплотную к столу, наклонился и положил свою огромную ладонь на холеную кисть.

– Слушай ты, церковная крыса, мне надо именно сейчас встретиться с начальником духовной миссии по делу чрезвычайной важности. Его высокопреподобие у себя? – голосом, не предвещающим ничего хорошего, спросил наглый посетитель у секретаря.

Тот попробовал выдернуть ладонь, прижатую к столу этим гигантом, но все усилия были напрасными.

– Вы не имеете права! Я вызову охрану! – возмутился секретарь.

Но посетитель в ответ сильнее прижал его руку. Молодой священник чуть не закричал от боли.

– Архимандрит у себя? – повторил незнакомец свой вопрос.

Секретарь утвердительно закивал головой.

Его высокопреподобие разговаривал по телефону, когда в кабинет к нему без приглашения вошел высокий, худощавый господин с очень короткой стрижкой и выцветшими глазами.

– Извините, сын мой, но я занят. Подождите, пожалуйста, в приемной, – ответил он неожиданному гостю, заслонив рукой трубку.

– Вы тоже простите меня, ваше высокопреподобие, за вторжение, но у меня нет времени. Меня сегодня или завтра убьют, поэтому выслушайте, пожалуйста, сейчас, – произнес посетитель и протянул архимандриту свою визитку.

Глава миссии наспех попрощался с собеседником и положил трубку.

– Вы, как я понимаю, соратник Михаила Ланского, – сказал он, рассматривая визитную карточку. – Присаживайтесь, прошу вас. Что привело вас в Русскую духовную миссию? И прошу вас, Леонид Петрович, не называйте меня вашим высокопреподобием.

Я более привык к обращению «отец Олег» или «святой отец». Слушаю вас внимательно.

Хотя отец Олег казался ровесником Неклюдова, но благодаря бороде и монашескому одеянию называть его «отцом» миллиардеру было несложно.

– Вы в курсе, что Михаил Ланский уступил мне в доверительное управление все акции холдинга?

– Конечно, сын мой, за этим процессом сейчас следит весь мир.

– Я думаю, что вам также известно, что и мне принадлежит в этой компании определенная доля.

– Догадываюсь. Но при чем здесь церковь?

– Люди, организовавшие эту травлю, пытаются силой и угрозами запугать меня, чтобы я на основании доверенности, выданной мне Михаилом Ланским, переуступил им его и свои акции. После этого меня убьют, святой отец.

Лицо архимандрита сделалось серьезным.

– И вы просите защиты у святой церкви, не так ли? – сделал заключение священник.

– Нет, святой отец, смерть меня не страшит. Деньги не принесли мне счастья. Но я не хочу, чтобы они достались нечестным людям. Я намерен пожертвовать все свое состояние и то, что доверил мне мой друг, Русской православной церкви.

Архимандрит не знал что ответить.

– Вы хотите столкнуть лбами православную церковь и российскую власть? Ваше стремление греховно и кощунственно. Церковь не примет такого данайского дара! – подумав, огласил свой вердикт отец Олег.

Но Неклюдов не собирался сдаваться.

– Я бы на вашем месте не спешил с выводами, ваше высокопреподобие. Кроме акций холдинга, мне еще принадлежит химический комбинат в Израиле, стабильно работающее и высокодоходное предприятие. На моих личных счетах тоже немало денег. А что касается российского нефтяного холдинга, то там вообще десятки миллиардов долларов! Подумайте: сколько благих дел может совершить церковь на эти деньги! Восстановленные храмы, новые семинарии... Мне ли вам об этом говорить! А какая этому альтернатива? Новые счета в швейцарских банках очередных приближенных к власти олигархов, дворцы и виллы новых русских богачей, суэта и разврат. Либо эти деньги употребятся на богоугодные дела, либо они пойдут дьяволу! Выбирайте!

Архимандрит перекрестился.

– Я знаю, что это вопрос не вашей компетенции, – продолжил посетитель. – Но очень прошу вас: не затягивайте, а срочно доложите об этом по инстанции. Митрополиту, патриарху, кому угодно. У вас двадцать часов на все. Нынешней ночью я должен знать ваш ответ. Просто позвоните мне по мобильному телефону и скажите: да или нет. Подробно ни о чем не распространяйтесь. Мой телефон прослушивается. В случае положительного решения вопроса я вас буду ждать завтра в десять часов утра в Тель-Авиве у своего нотариуса вот по этому адресу.

Он положил на стол перед главой миссии еще одну визитную карточку.

– Но запомните: у вас должны быть с собой все документы для совершения сделки. Другой возможности может не быть. Мне надо еще постараться дожить до этого часа.

Глава 3. Корону – за любовь

Томск. Октябрь 1858 года

Он даже не заметил, как коляска въехала в город. Тайга неожиданно расступилась, и они оказались на самой вершине холма, откуда открывался замечательный вид.

Нудный осенний дождь, сопровождавший их от самого Мариинска, неожиданно кончился. Из-за туч выглянуло солнце. Оно уже клонилось к закату, чтобы скрыться за лесом на другой стороне реки. Но пока одаривало скупым осенним светом раскисшую от бесконечных дождей сибирскую землю.

Серая лента реки, причудливо изгибаясь вокруг крутого берега, на который выехали путники, поблескивала в лучах заката.

– Знатная река. Больше Чулыма, – произнес старец.

– Видели бы вы, как Томь разливается весной. Всю пойму затопляет. Настоящее море, – добавил купец.

Федор Кузьмич задумался. Видать, вспомнил, как двадцать с лишним лет назад он с партией ссыльных проезжал через эту реку. Только тогда была зима, сани скользили прямо по льду. Заметала поземка, и подъезда к городу он не разглядел. Теперь же он возвращался назад, на запад. Позади трехдневная тряска по осенней распутице и дорожным ухабам. Дорогу он перенес тяжело – годы все же берут свое.

Он увидел купола церквей – и сердце его забилось сильнее обычного, и на глазах откуда ни возьмись появились слезы.

– Это мое последнее пристанище! – произнес старец, глядя на лежащий у его ног город.

– Полноте, Федор Кузьмич, – поспешил приободрить его Хромов. – Мы с вами еще и в Москву, и в Киев, и даже в сам Санкт-Петербург поедем. Какие ваши годы!

Старик не стал с ним спорить. Он уже знал все наперед.

Коляска медленно сползла с горы и выехала на главную улицу. За десятилетия таежной жизни старец отвык от городской суеты и сейчас, не переставая, вертел головой из стороны в сторону.

Все ему было в диковинку. И крепкие бревенчатые дома, и каменные здания, и торговые ряды со всевозможными товарами, и непролазная грязь на улицах.

А Хромов, довольный произведенным на старца эффектом, был рад стараться и все больше нахваливал Томск.

– На этой улице проживают самые богатые купцы. Толкачевы, Некрасовы, Тецковы... Я по сравнению с ними – голь перекатная. Ее прозвали Миллионной. А впереди Торговая площадь или, как ее теперь еще называют, Иверская. Нынче архиерей освятил здесь Иверскую часовню. Говорят, она точь-в#точь такая же, как в Москве у Кремлевских ворот. Поставлена в честь солдат Томского гренадерского полка, погибших в Крымскую кампанию.

Старец слушал своего провожатого вполуха и любовался позолоченными куполами собора.

– Как называется сей храм?

– Богоявленский, – охотно пояснил Хромов. – Эта церковь построена еще в прошлом веке. А прежде на этом месте стояла деревянная. А было это два с половиной столетия назад. Вот как!

Тем временем коляска выехала на площадь, и старец изумился еще более, когда увидел настоящие европейские здания.

– Здесь у нас размещается магистрат, главное пожарное депо и городское полицейское управление, – пояснил неугомонный Хромов.

Но Федора Кузьмича более всего поразила вывеска «Сибирский общественный банк», красовавшаяся на здании с колоннами.

– А этот мост построен по проекту нашего старого знакомого – Гаврилы Степановича Батенькова. Еще до восстания декабристов, когда он служил в Томске окружным путейским начальником. Помните, я его как-то привозил к вам на Красную Речку?

Тем временем коляска пробиралась через торговую площадь. Владельцы лавок сворачивали торговлю, убирали товар в лабазы. Навстречу попадались грузчики с тяжелыми тюками и мешками, нищие в надежде чем-нибудь поживиться. Очень много было пьяных. Отовсюду слышалась площадная ругань.

Хромов заметил, что приезжему неприятно наблюдать эти проявления низменных человеческих инстинктов, и, пытаясь хоть как-то сгладить неприглядное впечатление, сказал:

– Мне самому толкучий рынок не по душе. Жене и дочери я вообще запретил здесь появляться. Но ничего, сейчас на Юрточную гору поднимемся, и считай уже дома.

Миновав почтовую контору, они добрались до великолепного здания, своей богатой архитектурой и отделкой в стиле ампира во много раз превосходящего магистрат.

– Это дом Ивана Дмитриевича Асташева, самого богатого в здешних местах золото-промышленника, – с почтением пояснил Хромов. – Он в городе самый уважаемый человек. Все к его мнению прислушиваются. Даже сам губернатор.

Повернув налево за угол великолепного сооружения, коляска проехала два квартала и остановилась возле добротного бревенчатого дома.

Завидев в окно хозяина и долгожданного гостя, на улицу вывалились все хромовские домочадцы – жена и дочь и дворовые люди.

– Милости просим в дом, Федор Кузьмич, – пропела хозяйка. – Мы вас уже и ждали. Все глаза на дорогу проглядели. Комнатку вам во флигеле приготовили. Уютная, опрятная. Вам понравится.

Старец улыбнулся купчихе любезно, а на Хромова цыкнул:

– Ты же знаешь: я не люблю людей стеснять.

– Побойтесь Бога, Федор Кузьмич, – запричитал хозяин. – Разве вы можете кого-нибудь стеснить? Флигель у нас все равно круглый год пустует. А еще у меня заимка есть, в четырех верстах отсюда. Красивейшее место! Родник там бьет с целебной водой. Вот по весне я вам там келью и поставлю. Вы еще сто лет проживете. Помните, как в Библии сказано: прежде люди и по триста лет жили. Ибо святы были. А вы, Федор Кузьмич, в своей святости им не уступите.

С такими разговорами они вошли в дом.

– Значит, уехал Гавриил Степанович отсель? – переспросил Хромова старец, когда они на следующий день завели разговор об известных жителях губернского города.

– Уже два года как уехал. Говорят, в Калуге теперь живет, – пояснил хозяин дома.

– Жаль. Интересный был собеседник, – удрученно вздохнув, вымолвил гость.

– Да не переживайте вы так, Федор Кузьмич! – успокоил его купец. – Грамотных людей в Томске много. Вон на Воскресенской горе купил дом один ссыльный. Сказывают, во французской революции участвовал, а когда в городе Дрездене провозгласили республику, его даже избрали вице-президентом. Только потом три государства приговорили его к смертной казни: Пруссия, Австро-Венгрия и наша империя. Но ничего, живой, как видите. Даже жениться собирается. Бакунин его фамилия. Может, слышали?

– Нет, – признался старец. – А чем он еще кроме смуты знаменит?

– Говорят, книжки разные пишет – по философии, по политике. Наши разночинцы от него без ума. По вечерам все к нему на посиделки бегают. Если желаете, могу его пригласить к нам.

– Нет, Семен Феофанович, не стоит. Бог даст, и так свидимся, а специально не надо.

– Что еще? Поляков у нас много. Еще в тридцатых годах после восстания сюда сослали. Им даже разрешили свой католический костел построить. Каждое воскресенье собираются все там на службу. Чудные они. Вроде бы одному Богу молимся, но все у них не как у людей. И храм – не храм. В нашу церковь войдешь – душа радуется. Светло, красиво. Сразу жить хочется. А у них в костеле все наоборот. Тоже красиво. Но по-своему, мрачно. Словно они постоянно думают о смерти.

Слова Хромова насчет костела старец мимо ушей не пропустил. В следующее же воскресенье, отстояв молебен в Богоявленском соборе, Федор Кузьмич решил заодно посетить и семиглавую Воскресенскую церковь. Ее высокий силуэт в стиле барокко он заметил еще на подъезде к Томску. И тогда же принял решение: непременно побывать и помолиться в этом храме.

Первые дни на новом месте он сильно хворал. Но ничего, на этот раз Бог миловал: болезнь отступила.

Вооружившись посохом и накинув на себя худой армячишко, новый житель губернского города отправился на разведку.

Тяжело ему дался подъем в гору. Старец остановился, чтобы перевести дух, поднял глаза вверх и только тут заметил, что стоит он прямо перед лестницей, ведущей к воротам костела.

У католиков служба закончилась, и прихожане стали выходить во двор. Мужчины, пожилые и молодые, вели под руку своих жен и невест, а дети, нарядно одетые, исчерпав всю свою выдержку на мессе, озорно переглядывались и стремились поскорее вырваться на волю.

Лестница была крутая, и мужчинам на спуске приходилось поддерживать дам. Один молодой человек помог своей спутнице, а, увидев за ней спускающегося старика в черном плаще и шляпе, хотел поддержать и его, чтобы тот не поскользнулся на мокрых ступеньках. Но дед оказался гордым и отодвинул протянутую руку.

Пожилый поляк уже почти прошел мимо стоящего у обочины старца. Но неожиданно вернулся и спросил Федора Кузьмича:

– Вы кто? Прежде я вас никогда здесь не видел.

– Бродяга, не помнящий родства. Федором Кузьмичом меня кличут.

– Мне кажется, что я вас встречал прежде. И голос мне ваш очень хорошо знаком. Вам не доводилось бывать в Польше: в Кракове или в Варшаве?

– Не помню. Может, и бывал. Я давно живу. Много странствовал.

А поляк все пристальней всматривался в его лицо, силясь вспомнить, где он мог видеть этого человека. И вдруг его лицо расплылось в улыбке.

– Я вспомнил! – радостно воскликнул человек в черной шляпе. – Вы напомнили мне великого князя Константина Павловича! Вы так же говорите, как он. Так же держитесь. И этот взгляд! Его ни с каким другим не спутаешь. Меня зовут Владислав Синецкий, – представился он наконец. – Я служил адъютантом у великого князя, когда он жил в Варшаве. Мой дом неподалеку отсюда. Пожалуйста, окажите мне честь своим визитом.

Поляк чрезвычайно обрадовался, когда Федор Кузьмич принял его приглашение.

Домик у бывшего польского офицера был одноэтажный, зато с ухоженным палисадником перед окнами. И во дворе было прибрано на европейский манер. С аккуратностью,

но не так, как у немцев. В своей прошлой жизни Федор Кузьмич повидал немало подворий. Исколесил, почитай, всю Европу. Ему было с чем сравнивать.

У немцев педантичность в крови. Все в хозяйстве продумано до мелочей, и каждая вещь лежит на своем месте. У русских же – все наоборот. А польский порядок – нечто среднее между немецким и русским. И главная проблема Польши всегда заключалась в том, что она стремилась на Запад, оставаясь для французов и немцев дикой, варварской страной, но все же в меньшей степени, чем Россия.

В общем, в хозяйстве Синецкого все было устроено на европейский лад, но по-польски.

К тому же суровость сибирского климата требовала от представителей любых народов, волею судьбы заброшенных сюда, считаться с ней и устраивать свой быт здесь не для красоты и не ради проявления национальной самобытности, а чтобы выжить.

Двор у Синецкого был крытый, с настилом из струганых досок. Все хозяйственные постройки – хлев, курятник, сарай и небольшая кузница – находились под одной крышей и примыкали к дому.

– Хозяйка у меня третий год как преставилась. Бобылем свой век доживаю. Спасибо детям: помогают. Не бросают старика одного. Дочки забегут, еды принесут. А если требуется сила, сыновья на подмогу приходят. Грех на судьбу жаловаться, – начал рассказ хозяин, потчует гостя чаем с оладьями и медом.

– Хороши у тебя оладьи, пан. Даже царь бы от таких не отказался! – нахваливал старец. – Кто готовил: дочь или сноха?

– Дочка, – с улыбкой ответил Синецкий. – Младшая, Иоанна. Я же ее в честь супруги великого князя Иоанны Грудзинской назвал. Красивая была женщина, и как любила своего мужа! И он ее тоже очень любил. Даже от царского трона ради нее отказался.

– Как интересно! – оживился гость. – А не могли бы вы рассказать мне об этом подробнее. А то все говорят, что я внешне похож на великого князя, а иные, что даже на царя. А я к своему стыду о них мало что знаю. Право же, расскажите.

– И точно! – хлопнул себя по колену хозяин. – Вот на кого вы походите, как две капли воды, так это на императора Александра Павловича! Как же я сразу, старый пень, не догадался?

– Не переживайте вы так, пан Синецкий. Это только внешнее сходство, не более. Александр I давно уже умер, и Константин Павлович – тоже. А вот узнать, какими были эти знатные особы, мне ужасно интересно. Ведь так мало осталось в живых людей, знавших их лично!

– Отец мой, мелкопоместный краковский дворянин, был ярым сторонником независимой Польши. И когда Наполеон создал Великое герцогство Варшавское и начал готовить поход против России, моя дальнейшая судьба решилась без моей на то воли. Батюшка, снабдив рекомендательным письмом к графу Понятовскому, отправил меня понюхать пороху и послужить отечеству. Я был зачислен корнетом в конный егерский полк. Мне в ту пору не было еще и восемнадцати.

Я был одним из немногих из Великой армии, кому посчастливилось уцелеть во время русского похода. В нашем полку из десяти, переправившихся через Неман, только один вернулся обратно.

Но война для меня еще не кончилась. Армия царя Александра вступила в Европу. Не буду скрывать от вас, что я сполна испытал на себе всю силу и мощь русского оружия. Но я тоже не отсиживался в штабе, хотя генерал Понятовский приблизил меня. Была война, и противоборствующие стороны пытались нанести друг другу как можно больший урон. Битву народов под Лейпцигом я встретил уже в чине капитана. А на войне звания зараба-

тываются только кровью. На моих глазах погиб наш храбрый командир, граф Понятовский, ему только накануне Наполеон вручил маршальский жезл. Неприятельская картечь настигла его, когда мы переправлялись через реку.

Когда пал Париж, его преемник – генерал Домбровский – отправил делегатов к русскому царю. Мне посчастливилось сопровождать парламентариев. Вот тогда-то я и увидел впервые двух братьев – императора Александра и великого князя Константина.

Честно признаюсь, мы были готовы к суровой каре. Наши солдаты особенно бесчинствовали в покоренной Москве. И русский царь об этом знал. Каково же было наше удивление, когда Александр Павлович, выслушав наше покаяние, объявил свое решение.

Император не возражал против нашего желания вернуться на родину. Причем разрешил сделать это не разрозненной толпой, а в строевом порядке и – чего уж мы никак от него не ожидали – с оружием. Он оставил нам даже барабаны и знамена.

Но потом, правда, добавил, что сопровождать наши легионы будут русские полки. А уж дома польским воинам предоставят выбор – оставаться на службе или уходить в отставку.

Тогда царь выразил желание восстановить Царство Польское под опекой российской короны. А главнокомандующим войсками в Варшаве – и русскими, и польскими – он назначил брата Константина.

Для великого князя эта новость тоже была неожиданностью. Я своими глазами видел, как он удивился словам императора.

Еще на марше меня представили Константину Павловичу. Узнав, что я хороший штабист, цесаревич предложил мне послужить в его штабе. Я согласился.

– Вы не желаете водочки, Федор Кузьмич? Мне почему-то ужасно хочется назвать вас «Ваше Величество», хотя умом понимаю, что это не так, – обратился к гостю хозяин.

– Нет, благодарствую. Я спиртного почти не употребляю. Разве по праздникам немного вина, а водки вообще не пью, – отказался старец, а потом, спохватившись, добавил: – А вы, пан, если хотите – выпейте. Я к этому нормально отношусь. Коли человек меру знает.

– И то правда! – обрадовался Синецкий. – У меня от воспоминаний, знаете ли, во рту все пересохло. Говорить тяжело.

Он достал из шкафа графин и налил себе полную стопку водки.

– Может, чаю еще желаете? – спросил он гостя.

– С удовольствием. Разве можно отказаться от хорошего чая и доброй беседы, – заметил старец.

Хозяин потрогал самовар: не остыл ли? И облегченно вздохнул. Он нарезал себе сала и хлеба на закуску. Налил гостю чаю.

– За ваше здоровье, уважаемый, – произнес он короткий тост и опрокинул в себя стопку.

Потом крякнул, зажевал куском сала с хлебом и спросил:

– На чем я остановился?

– Константин пригласил вас к себе в штаб, – торопливо подсказал ему гость, желая быстрее услышать продолжение.

– Так вот, значит, начались повседневные дни моей новой службы.

Не суждено было мне тогда оказаться на сибирской каторге, а поселился я в милой моему сердцу Варшаве, правда, служил теперь новому государю.

Константин Павлович был человек мужественный и прямой, но отличался грубостью и непредсказуемостью поведения. Мог прийти в неописуемую ярость от малозначительной провинности. Да так, что пена у него брызгала изо рта. Вот как он умел кричать. Но долго зла таить в себе тоже не мог, ибо сердце у него было отходчивое.

Великий князь впервые получил под свое командование такое большое войско и такую самостоятельность в принятии решений. Санкт-Петербург был далеко, а в Варшаве он был

императорским наместником, первым лицом в Царстве Польском. И цесаревич задался целью сделать из польских легионов самую лучшую, самую боеспособную армию в Европе. Он мечтал когда-нибудь превзойти в воинской славе своих предшественников – Наполеона и брата Александра.

И знаете, это ему удалось. Только победа оказалась пирровой. Любимое детище великого князя, которому он отдал столько своих сил, вложил в него всю свою душу, укрепив, уверившись в своей непобедимости, обратило свою мощь против тех, кто его и создал. Вот в чем заключалась трагедия жизни этого выдающегося человека. И поверьте, это предательство, которому я стал невольным соучастником, хотя и действовал исходя из высших интересов моего отечества, до сих пор омрачает мое существование и тяжким бременем лежит на моей душе. Столько времени прошло, я уж и кровью, и каторгой, и разлукой с любимой отчизной своей, казалось, искупил сполна свой грех. Ан нет. Гложет червь изнутри. Никак не уймется.

Пятнадцать лет своей жизни отдал Константин Павлович Польше. Разные это были годы. При нем моя страна получила хоть урезанную, но конституцию. Чего до сих пор нет в России. Стал заседать сейм. В честь его открытия даже приезжал в Варшаву Александр I и выступал перед депутатами. С Константином мы пережили и скоропостижную кончину благословенного императора, и восстание декабристов, и первые николаевские судилища.

Но одно я знаю твердо: свое личное счастье цесаревич обрел в Польше и не променял его даже на корону великой империи. Кто из нынешних правителей способен на такое?

– А вы были знакомы с его женой? – не удержавшись, спросил старец хозяина.

– Мне ль не знать! Я ведь, уважаемый Федор Кузьмич, одно время даже служил личным адъютантом великого князя после ареста Михаила Лунина за связь с декабристами и жил со всей его семьей под одной крышей в Бельведерском дворце. Так что и с блистательной Иоанной Грудзинской – княгиней Лович, и с незаконнорожденным сыном великого князя и Жозефины Фридерикс Павлом я знаком лично. Мне не раз доводилось обедать в кругу этого замечательного семейства.

– Неужели она была столь красива, что можно было потерять голову?

– Просто очаровательна. Если бы вы, Федор Кузьмич, сами по молодости взглянули в бездонные, темно-синие глаза этой ослепительной женщины, наверняка не устояли бы перед ее чарами. Великий князь рассказывал мне, что однажды, будучи еще совсем молодым человеком, он без ума влюбился в одну польку – Жаннету Четвертинскую. Но тогда его мать и брат-император настояли на разрыве, а бедную девушку скоропалительно выдали замуж. Хотя сам Александр так пленился ее сестрой Марией, что даже ее замужество за князем Нарышкиным не удержало царя от романа, который, говорят, продлился пятнадцать лет. Вот какими красивыми бывают молоденькие польки, что даже цари теряют от них рассудок!

Встретив девушку, похожую на свою первую любовь, великий князь уже не смог устоять. К тому же его первая жена Анна не захотела переезжать к мужу в Варшаву, хотя он и ездил к ней в Кобург после своего назначения, пытался уговорить попробовать все начать сначала. Но она предпочла развод. Родственники в Петербурге уговаривали Константина попытать счастья во второй раз с какой-нибудь немецкой принцессой, но его высочество был непреклонен. С вашего позволения, я выпью еще стаканчик?

Федор Кузьмич согласно кивнул головой. В мыслях он уже был далеко отсюда. Собеседник, крикнув, выпил и продолжил рассказ. Он на самом деле был хорошо осведомлен. Старец внимательно слушал его и только утвердительно покачивал своей длинной седой бородой.

– Хватит с меня немецких принцесс! Увольте! Я сыт ими по горло. Больше я никогда не поступлю вопреки зову моего сердца. Так матушке и передайте, дорогой брат. Хотите вы того или нет, но я все равно женюсь на Иоанне Грудзинской!

В таком тоне Константин еще никогда не разговаривал с царем. Да, он был вспыльчив, как и его отец Павел I, но грубил, как правило, подчиненным, зависимым от него людям. Но чтобы так – открыто и дерзко – выступить против воли императора и матери, такого еще не бывало.

Александр даже опешил немного от такого напора. Они стояли друг против друга – два брата: царь и цесаревич – в кабинете главнокомандующего Литовским корпусом в Брюлевском дворце в Варшаве.

Император только что выступил на заседании сейма, затем осмотрел полки и остался очень доволен. И вдруг брат вылил на него ушат ледяной воды. Константин и прежде заговаривал о свадьбе, но Александр тогда не придавал его словам значения: ведь у него было столько влюбленностей!

– Государь! Брат мой! – сменил интонацию великий князь, он уже не ставил ультиматум, а просил, умолял: – Бог поразил мое сердце любовью. Чистая и светлая девичья душа полюбила меня. Я не могу просто совратить ее, обмануть ее доверие. Разрешите, государь!

Константин упал на колени.

– Полно, брат. Хватит. Пожалуйста, встань, – смущенный Александр поднял его.

Глаза цесаревича были полны слез. Всклипывая, он продолжал убеждать императора:

– Я не хочу повторить твою судьбу. Не хочу провести остаток своей жизни с той, которая ненавистна мне, а я – ей. Только из-за каких-то выдуманных приличий.

– Но такова незавидная участь царей! – задумчиво произнес Александр. – В нашем роду еще никто не женился по собственному выбору и по любви. Ты хочешь быть первым?

– Кто-то же должен отважиться и подать пример!

– Но первому всегда достаются главные трудности.

– Я их не боюсь. С любимой я даже отправлюсь в самую далекую ссылку, хоть в Сибирь.

– Хорошо, – согласился царь. – Я отправлю твое дело в Синод и попробую уговорить матушку.

Но прошло почти два года, пока вдовствующая императрица Мария Федоровна согласилась выслушать своего непутевого сына.

Наконец от Александра пришло долгожданное письмо, в котором он вызывал брата в Санкт-Петербург, наказав захватить с собой портрет его избранницы.

Мария Федоровна, еще более постаревшая и располневшая, встретила Константина прохладно.

– Вы никогда не были благоразумны, мой дорогой сын. Вы не оправдали моих надежд и очень огорчили меня. Но я вынуждена была согласиться с доводами государя, вашего брата...

Цесаревич рухнул к ее ногам и стал благодарить:

– Простите меня за все огорчения, которые я вам причинил. Я знал, что ваше любящее сердце поймет меня...

– Вам, безусловно, следовало выбрать себе жену из рода, достойного вас. Но вы не послушались моего совета и свою судьбу ломаете сами. Ваш выбор хорош, но лишь для частного лица. На вашу свадьбу я не отпущу никого из царствующей семьи.

Константин, будто не слыша материнских укоров, продолжал осыпать ее словами благодарности за благословение.

Переполняемый свалившимся на него счастьем, он не помнил, как брат поднял его с пола и вывел из материнских покоев.

– Синод расторгнул твой брак с Анной Федоровной, – поведал ему Александр. – Ты вправе жениться во второй раз.

Цесаревич снова рассыпался словами благодарности, теперь уже перед братом.

– Однако матушка дала свое согласие на твой брак с Грудзинской, потребовав очень дорогую цену, – в голосе императора зазвучал металл. – Сначала ты должен подписать документ о своем отречении от трона, а я – издать специальный манифест на будущее – о том, что дети, рожденные в подобных браках, не имеют права наследования престола.

Однако на Константина слова царя произвели совсем другое впечатление. Он равнодушно пожал плечами и спросил:

– Какую бумагу мне надобно подписать?

Император, пораженный подобным легкомыслием, еще раз напомнил Константину:

– Ты должен сам написать свое отречение. Ты хорошо подумал, брат?

– Более чем когда-либо, – хладнокровно ответил тот и добавил: – Какой из меня царь? Ты красив, умен, хороший дипломат. А я просто солдат. Солдатом и останусь. Да и не хочу я всходить на трон. Я к этому делу не приучен. Убьют меня, как отца убили.

Настал черед Александра задуматься.

– А может быть, ты и прав. Жить как частный человек – это ли не отрада? Любить и быть любимым, воспитывать детей... Не в этом ли счастье человека? В глубине души я тебе даже завидую, – честно признался царь и уже без каких-либо недомолвок объявил: – Я хочу сделать твой невесте подарок на свадьбу. Это имение Лович и титул княгини.

– Спасибо, брат...

Константин сел за стол и быстро написал свое отречение, как будто всю жизнь он только и делал, что отрекался от империи.

Братья обнялись и расстались.

Молодые хотели обвенчаться тайно. На бракосочетании в Королевском замке присутствовали только четверо старых друзей великого князя. Вначале их обвенчал православный священник в дворцовой церкви, а потом такой же обряд был совершен в католической часовне.

Но шила, как говорится, в мешке не утаишь. Все тайное когда-нибудь становится явным. Тем более свадьба великого русского князя и польской графини, к тому времени ставшей уже княгиней.

Едва молодожены вышли из Королевского замка, сели в кабриолет и поехали в Бельведерский замок, как толпы варшавян вывалили на улицы, приветствуя новобрачных. Их провожали ликованием, под ноги лошадям люди бросали цветы.

Константин был счастлив. Разве не стоила корона великой империи, обгаренная кровью его несчастных предков, этих неподдельных восторгов благодарного польского народа?

И старый добрый Бельведер зажил новой жизнью. В нем появилась молодая очаровательная хозяйка. А еще Константин Павлович выделил своей бывшей фаворитке Жозефине Фридерикс огромную сумму с одним условием – чтобы она удалилась из Царства Польского, но оставила ему сына.

Он был крестником императора Александра, и даже полное его имя звучало так: Павел Александрович Александров. Но никого из приближенных не смущали отчество и фамилия мальчика, все и так знали, чей это сын. К тому же внешне он был копией отца, только черные глаза заимствовал от матери.

Павел был не по годам развит. В двенадцать лет он свободно говорил почти на всех европейских языках, и главное – ему нравилось учиться. Отец же в его годы был настоящим сорванцом.

Константин гордился успехами сына. Ему очень нравилось, когда вся его новая семья собиралась на обед за большим столом в парадной зале. Любимая жена, подающий большие надежды сын. Что нужно еще для счастья мужчине на склоне лет?

Из Таганрога стали поступать разные известия. Один гонец привез письмо, что император неожиданно тяжело заболел. Но на другой день Константин получил известие, что государю стало лучше, он даже поел с аппетитом и вставал с постели.

По этому поводу главнокомандующий созвал всех своих адъютантов и велел принести вина. Но только офицеры пригубили бокалы за здоровье государя, как дежурный объявил о прибытии еще одного курьера из Таганрога.

Великий князь, не дочитав письма, выронил его из рук. Начальник главного штаба барон Дибич сообщал о скоропостижной кончине государя.

Воцарилось молчание. Все стояли подавленные и угнетенные. Наконец один из старших офицеров робко поинтересовался у Константина Павловича:

– Какие теперь будут приказания вашего величества?

Великий князь вскочил со стула и с гневом обрушился на него:

– Прошу не давать мне титула, который мне не принадлежит! Прошу всех запомнить: теперь наш законный император – Николай Павлович!

Пакет из Таганрога от Дибича – о волнениях в южных полках, адресованный «Его Императорскому Величеству государю Константину I» он даже не стал распечатывать, а курьеру приказал немедленно скакать с ним в Петербург к Николаю.

Но новоиспеченному императору, попавшему в двусмысленное положение – вроде царь и не царь, в столице тоже приходилось несладко. Он в письмах умолял Константина приехать в Петербург и публично отказаться от престола на заседании Государственного совета. Для этого даже послал в Варшаву младшего брата Михаила. Но главнокомандующий Литовским корпусом оставался непреклонен.

– Я уже написал отречение. Поэтому оставьте меня в покое, – заявил он Михаилу Павловичу.

А может быть, он просто боялся, что его, как и отца, убьют восставшие гвардейцы?

Но когда все худо-бедно, не без кровопролития, правда, но устроилось, и Николай вошел-таки на престол, великий князь любил спрашивать своего адъютанта Михаила Лунина: чего же хотели восставшие?

Хитрый адъютант всегда рассказывал одну и ту же историю.

– Солдаты на Сенатской площади кричали: «Мы за Константина! Мы за конституцию!» А когда у них кто-то из толпы поинтересовался: а кто она такая, эта конституция, служивые, не задумываясь, ответили: «Известно кто. Жена Константина!»

На этом самом месте главнокомандующий Литовским корпусом начинал дико хохотать и непременно обращался к своей супруге:

– Представляете, дорогая, как русский народ вас величает? Моя любимая, моя ненаглядная Конституция!

Но вскоре в Варшаву из Петербурга пришли списки тех, кто так или иначе был связан с декабристами. В них великий князь увидел фамилию Лунина.

Его надлежало арестовать и отправить в столицу для дальнейшего ведения следствия.

Константин Павлович вначале отправил своего адъютанта на охоту поближе к австро-венгерской границе в надежде, что тот не вернется. Но через неделю Лунин явился в Бельведер с тушей убитого кабана.

Тогда великий князь решил поговорить со своим любимцем начистоту.

– Вот деньги, паспорт, – протянул он адъютанту большой конверт. – Пожалуйста, уезжайте на запад.

Весельчак и балагур поклонился великому князю, поблагодарил его за заботу, но отказался принять конверт.

– Извините, ваше высочество, но я не намерен предавать своих товарищей и готов разделить с ними печальную участь.

Романов еще какое-то время держал в руке пакет, не зная что с ним делать, потом вдруг резко швырнул его на стол и грустно сказал:

– Тогда прощайте, голубчик, и не поминайте меня лихом.

В тот же день арестантская карета увезла декабриста в Санкт-Петербург. Там его потом осудили и сослали в Сибирь.

Несмотря на многочисленные донесения о создании Военного союза и подготовке к восстанию главнокомандующий отмахивался от них. Он не верил, что поляки, которые его так любят, способны на черную неблагодарность. Он создал для Польши первоклассную армию, вооружил ее лучшим оружием, вымуштровал так, что его полки не стыдно было показать на любом параде. При нем жизнь на разоренной многочисленными войнами земле только начала налаживаться. И вдруг какое-то восстание. Наговоры это все, вымысел недоброжелателей. В таком тоне он писал в столицу императору Николаю. В его обожаемой Польше все спокойно.

Анонимные письма о заговоре он бросал в камин. А Бельведерский дворец по-прежнему охраняли всего два сторожа-инвалида, и массивные ворота замка на ночь даже не запирались.

У великого князя неожиданно заболел большой палец на ноге. За ночь он так распух и почернел, что на ногу невозможно было ступить. Впервые за шестнадцать лет жизни в Варшаве Константину Павловичу пришлось изменить свои планы. Он не поехал на развод постов на Саксонскую площадь. И в толпе народа еще напрасно прождали сорок молодых людей в длинных плащах, под которыми они прятали бомбы и пистолеты. Жертва спутала их планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.